

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГОЛОС СЛЕВА (Яков Левитин)

ГОЛОС СПРАВА (Марк с позывным «Крам»)

Тьма. Тени. Звуки. Голоса.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вполной темноте слышно тяжелое дыхание, прерываемое иногда надсадным кашлем. Раздается лязг открываемой металлической двери, и в темноту врываются мельтешащие блики ручных фонарей. В сполохах видны тени, волокущие по коридору безжизненное тело голого окровавленного мужчины. Они распахивают решетчатую дверь, швыряют узника в камеру. Грохот запоров. Тени исчезают. Слышны лишь стоны и хрип. Кромешная тьма.

ГОЛОС СЛЕВА. Чувак... ты живой там, вообще?

ГОЛОС СПРАВА. Не знаю...

ГОЛОС СЛЕВА. Шевелиться можешь?

ГОЛОС СПРАВА. Да... рукой... Как больно...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, – больно. Раз больно, значит, живой. Есть чему болеть... и упираться. А как ты хотел? Как хомячок: пожрать, посрать и сдохнуть? Не... такое тут не прокатит.

ГОЛОС СПРАВА. Ы-ы-ы...

ГОЛОС СЛЕВА. Ты плачь, если что, не зажимайся... Тут не то что всхлипывают, – тут в голос рыдают. Нормально это здесь...

ПАУЗА

ГОЛОС СЛЕВА. Чего замолк? Живой?

ГОЛОС СПРАВА. Можешь подойти?

ГОЛОС СЛЕВА. Кто – я?! Ты шутишь, чувак?

ГОЛОС СПРАВА. Чего?

ГОЛОС СЛЕВА. Не знаю... Хребтину таки доби́ли, видать, когда принимали. Руки уж потом отморозил, ничего не чувствую...

ГОЛОС СПРАВА. Тепло здесь...

ГОЛОС СЛЕВА. БоILERная под нами. Трубы проходят.

ГОЛОС СПРАВА. Повезло, значит.

ГОЛОС СЛЕВА. Ага... очень! Хотя... можно сказать и так.

ГОЛОС СПРАВА. Не понял? Где я?!

ГОЛОС СЛЕВА. Ты точно хочешь это знать?

ГОЛОС СПРАВА..? Наверное, уже нет...

ГОЛОС СЛЕВА. Отож... Ты сам-то, кто?

ГОЛОС СПРАВА. Я? Наверное, конченный дурак... А ты?

ГОЛОС СЛЕВА. Да, собственно, тоже... Коль уж так слился-то по-глупому.

ГОЛОС СПРАВА. Это как?

ГОЛОС СЛЕВА. Надо было своих дожидаться, а я... вот, испугался култышкиной судьбы да выползать начал.

ГОЛОС СПРАВА. Куда?

ГОЛОС СЛЕВА. С места боя – выползать.

ГОЛОС СПРАВА. Ополченец, что ли?

ГОЛОС СЛЕВА. Ага. Хорунжий... Был. В «самсоновской» сотне.

ГОЛОС СПРАВА. Хорунжий, это как ротный?

ГОЛОС СЛЕВА. Угу. Как «кусок»... В смысле прапорщик. Полузвонком командовал: один пулемет, два гранатомета, семь калек и ни одного кадрового – шахтеры-пекари-токари и я один с дипломом: «обработка металла давлением». Невероятно полезные на войне корочки.

ГОЛОС СПРАВА. А что за култышка?

ГОЛОС СЛЕВА. Култышка? А... Ну, да месяц назад, еще когда за ЦОФ на Горняке бились, случай был такой неприятный. Там нацики поперли как-то в ночную. Скорее, так – разведку боем учинить. Ну, их вначале соседи из мехбата встретили – две «бехи» спалили, а «бэтэр» ихний

зацудил да назад откатиться успел. Нацгадов частью сразу положили, а остатки потом уж мы, поутру, что зайцев в пролесках, гоняли, вдумчиво. Да недосмотрели, в аккурат на стыке, меж казачками и мехбатом, в посадке один и затихарился. Зимний маскхалат спас, а может, отрубился раненый и звука не давал. Ну, наши и протопали мимо, как прочесывали. Он там потом, бедный, двое суток еще доходил на морозе.

ГОЛОС СПРАВА. Умер, что ли?

ГОЛОС СЛЕВА. Да если бы... Когда мы решили в обратку нациков ещё мальчика придавить, вот там разведка мехбата его и нашла. Дотащили до врачей, те на «скорую» да в реанимацию. Откачали, короче. Только обе ступни и кисть руки пришлось-таки ампутировать.

ГОЛОС СПРАВА. А... я слышал за этот случай. Его обменяли через несколько дней. Сержант спецназа, кажется.

ГОЛОС СЛЕВА. Ага, спецназер. Ему потом еще и вторую кисть оттяпали. И ногу повторно – уже до колена. Вот такая култышка от человека осталась: до конца жизни кто-то будет мотню тебе расстегивать и зад подтирать каждый раз...

ГОЛОС СПРАВА. Ну, а тебе чего?

ГОЛОС СЛЕВА. Мне – ничего. Когда мне прилетело в поясицу и шесть часов в снегу пролежал под чадящей броней, любуясь на полголовы Кизимы и вывернутые кости Лосяры, то как-то решил ползти, чтобы, шо тот сержантик, не поморозиться. Ну и выполз... прямо к нацикам на бруствер.

ГОЛОС СПРАВА. Понятно... Долго пытали?

ГОЛОС СЛЕВА. Меня? А на кой?! Когда приняли, вначале не поняли, шо за нахрен... пока из-за пазухи кубанка не вывалилась. Ну, тут вместо «здрасьте» дали пару раз: берцем с носака все зубы справа вынесли да отсушили прикладом по почкам пару

раз. Вот, видать, неудачно в посяни-цу и попали, как раз по ране. Что-то и хрустнуло там. Меня как колом раскаленным прошило от затылка до пят – никогда в жизни такой боли не испытывал – аж дугой выгнуло. Затрясло, в глазах лимонно-оранжевым взорвалось всё, а дальше помню, что на полу в бусике тряусь и рук, за спиной в наручи забитых, уже не чувю. Соляры надышался и опять провалился. Так отрубов с десяти и довели меня сюда – в «центральный следственный».

ГОЛОС СПРАВА. Меня тоже с пакетом, вымоченным в соляре, таскали все время. Блевал прямо себе в рот, пока было чем.

ГОЛОС СЛЕВА. Прием серьезный устроили?

ГОЛОС СПРАВА. Когда задержали или здесь?

ГОЛОС СЛЕВА. Вообще...

ГОЛОС СПРАВА. Да как сказать-то? Взяли нас под Лесогоровкой, водила попёр, не зная броду, через посадку, ну и напоролись. Его почти сразу уняли. Меня уронили раз несколько, а потом пинками доволочки к их блокпосту, а уж оттуда – вонючий пакет на голову, скотчем на уровне глаз затянули, и понеслось – поехало, как харей по щебню. Думал, кранты, а как сюда довели, то понял, что вначале со мной бережно и заботливо цацкались.

ГОЛОС СЛЕВА. Что с ногами?

ГОЛОС СПРАВА. Здесь первые три дня молотили по пяткам каждый раз, пока не отъезжал. Отливали и снова лупили. Я глотку сорвал орать под конец...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, то еще терпимо. Ходить – да, а так ничё.

ГОЛОС СПРАВА. Прикалываешься?

ГОЛОС СЛЕВА. Послушай, чувак. Я тут неделю мультики снимаю. Лежу пластом и смотрю, как других приходяют.

ГОЛОС СПРАВА. Раз бы про-

шлангами, как меня только что – до одури, до визга поросычьего, – узнал бы... Твари... оцинкованное ведро на голову надели, подвесили в наручниках за спиной на крюк и лупили по голым ляжкам с двух сторон так, что от ора собственного оглох, нафиг...

ГОЛОС СЛЕВА. Это понятно. Ты-то живой, разговариваешь... эмоции какие-то – соображаешь, поди. Шоб понятней было, как тут изморождать могут, я тебе расскажу...

Притащили дядечку какого-то с фиолетовой мошонкой... такой раздутой, что штаны надеть не могли. Уже в годах был, немолодой. И солидный такой, полненький. Его, говорят, как-то распластали, ноги развели и садовым шлангом отхлестали. А неделю назад камеру выводили в полном составе в какую-то галерею без окон...

Это подушка – переход между правым и левым крылом, над двором...

Вот туда всех и вывели, поставили рожками к оконным проемам и велели смотреть во двор, где этого мужчину привязали тросиком за ноги к «девятке» и гоняли по кругу, пока от него на снегу и асфальте двора красный круг не образовался. А когда все закончилось – погнали всех во двор и дали посмотреть на освежеванный труп. Обещали, что, дескать, со всеми так сделают, кто признательные не подпишет.

Тут такой цирк круглые сутки при полном аншлаге.

ГОЛОС СПРАВА. Круто... Но я тут дня два... или три... ну, где-то так.

ГОЛОС СЛЕВА. А где сидел?

ГОЛОС СПРАВА. А я не знаю, камера человек на двадцать. Мужики, бабы, все в одно ведро в углу ходят... Позорище...

ГОЛОС СЛЕВА. Холодно? Лупить куда водят?

ГОЛОС СПРАВА. В общем, тер-

пимо — стена правая теплая относительно, под ней ютились. Пыточная этажом ниже была, там догола раздевали — допрашивали и все такое. И следак там со своими бумагами. Я, например, сразу все подписал, чтоб вконец не забили. Но они все равно молотили меня круглые сутки, как в турецкий барабан, — и днем и ночью, твари. Тащатся они с этого, что ли?

ГОЛОС СЛЕВА. Раз правая теплая, это, значит, и есть правое крыло. И не «следак», а «дознаватель». Мы-то, по нациковским раскладам, все государственные преступники, поголовно. Нам, значит, за госизмену трибунал положен, а не суд. И, соответственно, здесь делопроизводство военное. Ну, да ты, по-любому, гражданский, выходит — коль «правое крыло», да «бабы в камере»?

ГОЛОС СПРАВА. Я? Ну, конечно! Работал в Минвосстановлении, а повязали, когда мы гуманитарку старикам везли да за линию фронта с переплуту выперлись, как два барана.

ГОЛОС СЛЕВА. Кормили-то хоть?

ГОЛОС СПРАВА. Раз, еще в дороге дали банку кильки в томате съесть. Но то шофер, судя по всему, от себя дал — его потом охрана выматерила за это. Здесь же ни разу не кормили, хотя один в камере говорил, что через день дают холодную кашу с землей вперемешку. Воды вообще не давали, но по углам осклизлой стены, где конденсат стекает, собирают в полиэтиленовую пленку и дают пить тем, кто после допросов.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, а сюда каким боком тебя кинули?

ГОЛОС СПРАВА. Сюда, это — куда?

ГОЛОС СЛЕВА. Вот сюда. Ко мне, в темную?

ГОЛОС СПРАВА. Не знаю...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, как не знаю, что сказали-то? Команду какую санитарам дали?

ГОЛОС СПРАВА. Никакой команды. Били-били, потом сняли

с крюка и, пока я на полу обтекал, о чем-то говорили, — за волонтеров речь шла. Говорят, что, мол, чистый. Тут подхватили и волоком сюда, не одеваясь.

ГОЛОС СЛЕВА. Не «чистый», а в «чистую», в «чистяк» то бишь. Понятно... Ты как волонтер идешь у них, значит. Ну, поздравляю. Вас, говорят уже месяц, поди, как не обменивают.

ГОЛОС СПРАВА. В смысле?!

ГОЛОС СЛЕВА. В смысле, чувак, — в «чистую», мать его!

ГОЛОС СПРАВА. Объясни?!

ГОЛОС СЛЕВА. Ты ведь все уже понял? Ведь так? Или таки услышать хочешь?!

ГОЛОС СПРАВА. Ну, не томи!

ГОЛОС СЛЕВА. Камера, где чистят. Зачищают где...

ГОЛОС СПРАВА. Ох... Расстрельная?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, да... Зато тепло, не бьют, не мучают...

ГОЛОС СЛЕВА. Чего завис?!

ПАУЗА

ГОЛОС СЛЕВА. Не молчи, слышишь...

ГОЛОС СПРАВА. Когда?

ГОЛОС СЛЕВА. Никто не знает. Может, сейчас, а может, никогда. Здесь нет света, нет времени. Одна надежда. Так что ты не замолкай там, слышь! Не молчи...

ГОЛОС СПРАВА. Да...

ГОЛОС СЛЕВА. Та не дакай! Как звать-то?

ГОЛОС СПРАВА. Крам...

ГОЛОС СЛЕВА. Че?! Шо за имя? Не русский, что ли?

ГОЛОС СПРАВА. Имя у меня Марк, а это позывной.

ГОЛОС СЛЕВА. Позывной?! Гражданскому-то зачем?

ГОЛОС СПРАВА. Ну, мы же ездим... там... на передок...

ГОЛОС СЛЕВА. А!.. Военная романтика. Ну и как: нажрался досыта этой романтики?

ГОЛОС СПРАВА. Отвали...

ГОЛОС СЛЕВА. Да ладно. Расскажи, ты кем по жизни был?

ГОЛОС СПРАВА. Пиарщиком...

ГОЛОС СЛЕВА. Мляя, да шо ж у тебя все такое... Это че, в смысле: выборы-швыборы?

ГОЛОС СПРАВА. В смысле – да, но и всякого разного хватало – реклама, продвигающие кампании. Мы до космических технологий доросли уже, а тут – война. И пошло все прахом и посыпалось, как и не было ничего.

ГОЛОС СЛЕВА. Круто. Умный, наверное?

ГОЛОС СПРАВА. Да уж, не жаловался.

ГОЛОС СЛЕВА. Не куксись! Просто я в этом ничего не понимаю, но подвох чую кожей.

ГОЛОС СПРАВА. Не поможет, кстати, чуйка...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, как сказать.

ГОЛОС СПРАВА. А сам? Чем занимался?

ГОЛОС СЛЕВА. Да разное-всякое. На «Проммаше» работал, потом металлоломом занимались – за малым в большие люди не выбился. Уж перед войной небольшое производство металлоконструкций с друзьями наладили – ворота, теплицы, гаражи, заборы и все такое... ну, тоже все прахом пошло.

ГОЛОС СПРАВА. А в казаки как попал? Ты ж не селянин, походу?

ГОЛОС СЛЕВА. По-твоему, казаки – это сплошь поселковые дебилы ржанные, с нагайками за голенищами и пьяными воплями про «Любу»?

ГОЛОС СПРАВА. Не без этого... Или как?

ГОЛОС СЛЕВА. До войны не знаю, а как началось, то по-разному. Возможно, всякое встречается, да ща и слухи разные ходят, но за наших – за «самсоновских» – никогда стыдно не было.

ГОЛОС СПРАВА. Как попал к ним?

ГОЛОС СЛЕВА. Случайно, хотя

можно сказать, что судьба за руку привела. Век бы так, правда, не водили. Одним словом, куда взяли по первах, вот там и пригодился.

ГОЛОС СПРАВА. Расскажи...

ГОЛОС СЛЕВА. Пока все началось, как все, думал, что само рассосется. Помитинговали, побузили, постреляли чуток, но чтоб вот так, с остервенением, со зверством таким друг на дружку до кровавой рвоты! Чтоб с «градов», с танков да по городам-поселкам – никто ж не верил в такое.

ГОЛОС СПРАВА. Ага, классика: «Верхи не могут, низы не хотят». Пряма драматическое столкновение фригидности с импотенцией – и не верил никто, а оно во как вышло...

ГОЛОС СЛЕВА. Отож. Ну, короче, заказ у нас свалился, на полном безрыбье неплохой, можно сказать, – монтировали эстакаду для приема молочки у хозяина на Коминтерна. Мужик с жинкой за лет несколько поднялись на мелком опте – со всего Краснополя надои собирали, ну и решили развиваться чуток. Пока война, курс скачет, банки закрылись да съехали в метрополию, чтобы, значит, наличка не пропала. Ну и нам чего – предоплата, все дела. Мы двутавры, швеллера, уголок с базы нагребли и варим себе спокойно. Заезд на цокольный – это работы от сил дня на три с раскачкой. Но ведь август, жара невозможная, а тут еще и стычки на границах района пошли.

ГОЛОС СПРАВА. Коминтерна... в августе! Это ж, как подгадали так?!

ГОЛОС СЛЕВА. И не говори! Ну, ты понял – да?! Значит, гвардейцы с нацбатами сбивают с блокпостов ополчение, сминают казачков и перерезают трассу. Краснополье с самого утра оказывается в полукольце. С Городом одна нитка осталась связующая, плюс грунтовки, где уже снайперские расчеты нациков шарятся. А фермеры, наши-то, с ночи молоко собирают... Ну, короч, в четыре с

копейками уже трескотня под самым Коминтерна: трассера, крупнокалиберные, болванки летают – войнушка в полный рост. У казачков два танка полыхают – один в селе, другой на въезде. Мы залезли в цокольный и только сусликами выглядываем из-под полуподвала. Вскоре, видим, летит хозяйский бусик, задом вихляет... Да не долетел. В метрах ста от фермы его насквозь прошивает снап трассеров, ажно стекла, как пар, брызжут в стороны. А в полукилометре БТР вырливает, на трассу. Он еще помолотил из КПВТ чуток для остратки по ферме, по крышам больших корпусов да по домам окраин и попылил от нас ко въезду. Смотрим, от бусика хозяйка к ферме бежит и руками машет. Живая! Мы к ней. Подлетаем. Она очумелая, что несет, не поймешь, глаза стеклянные, а фартук весь в крови, ошметках волос, костей. Сварной наш бабу за руку и на ферму поволок, а мы со слесарями – к машине. Ну, а в бусике уже кому помогать?! Хозяин, как был пристегнут ремнем, так и сидит скособочившись. Только от головы кусок позвоночника торчащего остался и мозги на седой бороде. Парное молочко с пробоин струярит прямо в пыль дорожную – там все баллоны посекло осколками. Как хозяйку не задело – ума не приложу – вообще ни царапины.

ГОЛОС СПРАВА. Мрак...

ГОЛОС СЛЕВА. Тут БТР про нас опять вспомнил, чудом залечь успели да отползти. Короч, пулеметчик ихний хозяина, словно викинга, в машине похоронил – сгорел мужик прям там. Мы его бабу к себе в легковуху и деру с Коминтерна. На окраинах «самсоновцы» стояли. Попросили раненого забрать. Ну, мы их прицепом прихватили, хоть и на головах уж сидели. У казачка из сопровождения рация трещала всю дорогу. Пока мы до клинической доперли, уже знали, шо в Коминтерна еще трое «трехсотых», – два тяжелых совсем. Сопрово-

ждающим был Лось, стати. От он на меня и посмотрел. Так, просто зыркнул молча, всего раз. Слова не сказал. И понял я, что не могу бросить их теперь или там отморозиться. Ну, короч, сам вызвался. Пошли второй ходкой за ранеными. Там еще было всякого, завертелось...

ГОЛОС СПРАВА. Ясно.

ГОЛОС СЛЕВА. Так и зашла ко мне война. К Лосю сразу прибился. Вот жешь судьба – как началось, с тем же и закончилось...

ГОЛОС СПРАВА. Та да. У меня все с расстрелов начиналось, причем оба раза в Лесогоровке... Походу, и концовка будет такой.

ГОЛОС СЛЕВА. С расстрелов?

ГОЛОС СПРАВА. Угу... Оба раз, заметь. Вот и говорю, словно вешки по болоту, только успевай обеими ногами в топь вовремя встрывать.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, по жизни выходит так и есть: смотреть надо, что судьба с под тебя хотит...

ГОЛОС СПРАВА. В первый раз вышло, как бы не со мной, а рядышком черкнуло. Меня знакомый к осени подписал гуманитарку таскать для Министерства восстановления. Там же быстро: таскаешь, не крысишь – молодец, работай. Да и мне нормально: надо же чем вменяемым заниматься. Пошло-поехало, таскали по всей области, в основном отвечали за Дивнозерский район и что там рядом.

ГОЛОС СЛЕВА. Понятно: попали под октябрьскую раздачу в Лесогоровке...

ГОЛОС СПРАВА. Почти – уже следующим днем, как ваши нацгадов выбили, поехали мы народ эвакуировать.

ГОЛОС СЛЕВА. Не, то не наши. Там казачки атамана Волчеярова и мехбат корпуса отжигали...

ГОЛОС СПРАВА. Какая разница? Мехбат держал периметр, а мы с казаками грузили народ. Ты представляешь, что там творилось? Бабы, дети, все с оклунками, мужики дубьем

коров-свиной гонят в райцентр. Там коза потерялась, то девка с перепугу истерит – в погреб забились и не лезет. Там бабу, из ума выжившую, прямо на кровати сетке несут, с образами на груди, – ор, слезы, мат в три этажа. Офицеры батальона подгоняют, мол, вот-вот врежут по селу опять с минометов. И казаки ваши свирепеют на глазах. Ну, мрак, одним словом. Дергает тут меня наш водила и говорит, что велели нам семью расстрелянного вчера селянина эвакуировать и тело забрать да в районный морг доставить. Нас двое, вдова с тремя детьми, старшему пацану, кстати, лет так хорошо за двадцать, плюс вещи какие-никакие и труп в придачу. И все это надо загрузить в «логан», в седан. Говорю: «Свят, как ты себе это мыслишь?!» Святонравов, мужик такой... одним словом, конкретный был дядька, говорит: «Задачу нарежали – выполняем. Мы – спереди. Тетку со старшим и двумя малыши – сзади. Рухлядь в руки. Убитого – на полиэтилен и в багажник. Двадцать минут не спеша, и мы в районе». Ну, план. Пока участковый и Свят паковали батю, мамка историю свою рассказала. Дело было так... Утром они готовились выезжать с поселка, там житья уже не было с сентября. Обстрелы через день: то там мину ночью проложат точно в центр рынка, словно прозрачный намек; то в крышу кому прилетит очередь из БМПэшки; то после принятого для куража стенолаза нацгады пару лент из АГСов небрежно уронят вдоль улиц. Батя, значит, пошел на огород курей рубать, взрослый сын у деда через улицу собирал стариков. Пока женщина со своими девками во-зилась, тут и нацики заскочили в нейтральное типа село. Один БТР зарулил прямо к ним под окна, и кагалом человек в пять нацики ввалились во двор. Муж только в хату заскочить успел, как во дворе бах! бах! бабах! – пристрелили двух

собак и уже в дом входят. А те собачки, говорит, мелкие совсем, обе на цепи сидели, – вторая с визгом в будку кинулась, так они ее прямо там и дострелили. Малая в крик, старшая в угол забились, батя побелел, но молча стоял. Те зашли, потребовали документы. Родители попытались что-то объяснять, но на них сразу гаркнули мол: «Заткнули пасть, мрази!» Мамка говорит, что за мужика своего и не думала вначале, за старшую боялась: той шестнадцать всего, но девка уже – все при ней. Нацики посмотрели паспорта, сверили с какой-то цидулькой, что у них была, и говорят мужику: «Выйдем, побазарить надо...» Вышли и свернули за дом на огород. Она попыталась два раз нос на улицу высунуть, но те лишь гаркали и загоняли в дом. Старший сын кинулся было домой, но селяне придержали, дескать: «Не ходи туда, паря! Здесь постой...» – там охотники почти все, мужики в большинстве серьезные, тормознули пацана. Спасли, можно сказать. Через несколько минут вдруг нацики сваливают со двора, залазят на БТР и уезжают. Мамка во двор, нет мужа... Она на огород. Смотрит – лежит. Две дырки в голове. И выстрелов, говорит, что никто не слышал.

ГОЛОС СЛЕВА. Да с ПББСа вальнули...

ГОЛОС СПРАВА. Похоже. Она говорит, что у одного автомат был необычный. Ее мужа застрелили и еще одну женщину, пенсионерку. Ту прямо в доме убили. Какую-то куртку или пальто на голову накрутили и тоже по-тихому убили.

ГОЛОС СЛЕВА. Узнали, за что?

ГОЛОС СПРАВА. Да, вроде. Она – пенсионерка, бывшая работница райсовета, была инициатором проведения референдума об отделении. Мужик – водитель. Много кого возил, плюс жили они не бедно, две машины в семье. Может, и настучал кто, как жаба придушила. А может, и обидел кого по жизни.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, не без этого. Знали, поди, за кем шли...

ГОЛОС СПРАВА. Ясно дело. Но вот так, походя, как собаку во дворе, отца троих детей, считай, у них на глазах завалить...

ГОЛОС СЛЕВА. А че ты хотел?! Это ж нелюди. У каждого вместо души – батальон бесов. Не убедился еще? Бабке, знаешь, зачем пальто на голову навертели?

ГОЛОС СПРАВА. Да. Знаю. Свята похоже шлепнули, но не помогло...

ГОЛОС СЛЕВА. Это водила который твой?

ГОЛОС СПРАВА. Да не мой, а так получилось, что оба раза с ним в Лесогоровке попали.

ГОЛОС СЛЕВА. Ты говорил, что заехали не туда?

ГОЛОС СПРАВА. Да... не туда. Заехал он, зато я подгонял...

ГОЛОС СЛЕВА. ?..

ГОЛОС СПРАВА. Ну, хотел, чтобы побыстрее, сгрузиться и посветлу вернуться, вот и пошли напрямки, через лесок, а там или свернули не туда, или ДРГ промышляла, – напорились, короче.

ГОЛОС СЛЕВА. И че?

ГОЛОС СПРАВА. Хлопок взрыва, «логан» швырнуло, и пока очухались, нас уже под стволы взяли и наружу вытащили. Святу ногу распанахало, он уперся, отвязался на них. Двое подошли, рывком куртку, свитер, исподнее задрали за голову, он руки стал опускать, а один сзади в упор из пистолета и выстрели ему в затылок. Только не рассчитал. Свят дернулся и давай назад заваливаться, прям на нацика. Руки упали вперед, стянули одежду, и кровь такой тугой, пульсирующей струей прямо тому на разгрузку, на штаны, на руки... Тот замешкался, а он прям на него осел спиной и подмял – завалил в сугроб, перепачкал всего, конечно. Не помог трюк с курточкой...

ГОЛОС СЛЕВА. Да... По-глупому попали...

ГОЛОС СПРАВА. Веришь, прям перед глазами стоит то побелевшее лицо Свята с серо-зелеными ноздрями и пустыми глазами в прорехе куртки между зависших рук. Его там прям голой спиной в сугробе оставили...

ГОЛОС СЛЕВА. Мне тоже глаза Кизимы снились одно время.

ГОЛОС СПРАВА. Кизима?

ГОЛОС СЛЕВА. Я ж рассказывал тебе: когда наш БТР спалили, он вместе с Лосярой погиб, а меня тогда ранило.

ГОЛОС СПРАВА. А... Расскажи...

ГОЛОС СЛЕВА. Та, то долгая байка...

ГОЛОС СПРАВА. Куда-то торопишься?

ГОЛОС СЛЕВА. Та куда уж... Ну за ЦОФ и Горняк, ты, наверняка, слышивал?

ГОЛОС СПРАВА. Еще бы...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, вот... как отбили, то фронт сдвинулся, и стало у нациков грустно, а у нас весело. ЦОФ под нами, Шламовая гора тоже, короч, все опорные высоты наши. Встал там мехбат, артель, ну и лечат больных. Нас и пехоту выдвинули к линии соприкосновения, и пока там переговоры, замирения, международные наблюдатели и все такое – мы с нациками бодаемся в полный рост... но на уровне разведгрупп и не более. Вот. Что за мужик был наш ротный, ты, видать, уже понял?

ГОЛОС СПРАВА. Лосяра? Из тех, что БТР на скаку остановит?

ГОЛОС СЛЕВА. О! Точно! В общем, решил Лось, что нацики из-под арты силы вывели, держат там посты и удара ротной группы да с броней не выдержат. Плюс место нашел, где стык был у них меж гвардией и армейцами. А там же заруба страшная меж ними. Ненависть такая, что они друг с дружкой сами постоянно рубятся.

ГОЛОС СПРАВА. Это даже я знаю...

ГОЛОС СЛЕВА. Вот. Собрал, короч, Лось какой разведматериал, что-то там себе насчитал, перетер, с кем мог из корпуса, и пошел со всем этим делом к Бате. А надо сказать, что там-то все по уму было посчитано. Сбей мы гвардейцев с посадки, то вклинились бы меж Горняком и степью, и, кроме как посреди пашни, нацикам бы сидеть было негде. Откатились бы они до самой речки, а может, и на тот берег сдрыгнули. И все хорошо, да при атаке правый фланг открывается для армейцев, а там уже не гвардия – сам понимаешь. И удумали тогда отцы ударить вначале отвлекающим, причем под самый вечер, в сумерках, как бы разведку боем начать. А основной удар следом нанести уже батальонной группой, чтобы наверняка. Естественно, шо отвлекающий Лось взял на себя: решил послать туда мой полувзвод и подкрепить это дело собственной командой. Самсонов три раза спросил Лосяру – уверен ли тот, сможет ли вывести людей и броню? Но тот сказал: «Да. Сам поведу!» Заявил, дескать, беру БТР Левака и своих архаровцев – Манжулу там, Кизиму...

ГОЛОС СПРАВА. А что за левый «бэтэр»?

ГОЛОС СЛЕВА. Не «левый», а мой, «машину Левака», значит.

ГОЛОС СПРАВА. В смысле, тебя Лев звать?

ГОЛОС СЛЕВА. В смысле – Яков. Яков Левитин.

ГОЛОС СПРАВА. Это позывной?

ГОЛОС СЛЕВА. Зачем?! С такой-то фамилией...

ГОЛОС СПРАВА. А этот... Манжула?

ГОЛОС СЛЕВА. Тоже фамилия, а вот Кизима – погремуха.

ГОЛОС СПРАВА. Та нет, я за Манжулу – это не физкультурник с Ворошиловского?

ГОЛОС СЛЕВА. Не знаю, но здоровый был волкодав, смешливый такой охранник у Лося.

ГОЛОС СПРАВА. Возможно, и он. Помню, работали в поселке на выборах и в школе сабантуй организовали, а после – столы для педколлектива накрывали. Так их учитель физкультуры после трех рюмах конины рассказал, как на поселке мужики соседке кабана валили. Как рассказывал – рыдала вся школа.

ГОЛОС СЛЕВА. Угу. Почти как здесь, заметь...

ГОЛОС СПРАВА. Да уж... Извини, перебил... Так что там со Манжулой?

ГОЛОС СЛЕВА. Да че, взял Лосяра своих волкодавов, залез к нам на БТР, и, под сумерки, поскакали мы в свою последнюю кавалеристскую атаку под бодро хрюкающие в голове марши да с шашками набекрень. Так оно все и началось.

ГОЛОС СПРАВА. Отказаться не мог?

ГОЛОС СЛЕВА. Ты че, чувак?! Это ты себе как представляешь?

ГОЛОС СПРАВА. Так ведь вас вроде как в жертву принесли?

ГОЛОС СЛЕВА. С чего это?! БТР, семь бойцов, пулемет, два граника. Выскочили, спешились, помолотили армейцев и откатили за холм под прикрытием брони. Те бы из-за одного БТРа всерьез выкатываться не стали – не вскрыли бы свои позиции. А когда рядом батальон ударил бы, то ни у армейцев, ни у гвардии, тем паче уже времени не было отдупляться по-взрослому.

ГОЛОС СПРАВА. А что пошло не так?

ГОЛОС СЛЕВА. Да я и сам не понял, если честно...

ГОЛОС СПРАВА. Это как?

ГОЛОС СЛЕВА. Судя по звуку боя, мы свою задачу выполнили. Пока нас утюжили, Самсонов таки врезал нацикам, и посадку наши отбили. Точно, отбили. А вот нас казачки не вытащили... Сразу не вытащили, а я уполз...

ГОЛОС СПРАВА. Не томи, что с вами приключилось?

ГОЛОС СЛЕВА. С нами? Нас со старта, как только вылетели ураганить и с курсового огонь открыли, тупо подбили. Лосяра первый заметил старт ПТУРа и заорал. Мы слетели с брони, и ПТУР пришел в противоположный от нас левый борт. БТР встал, экипаж горел внутри машины. Двоих казачков, не успевших прыгнуть, сразу задвухсотило. И всех оставшихся на той стороне тоже положили. Манжула, походу, погиб сразу, а вот Кизиму Лось таки вытащил под огнем из-под БТРа.

ГОЛОС СПРАВА. Живого?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну да... вначале. У того взрывом снесло половину лица и нижнюю челюсть. А потом он вырубился, встряв головой в снег под колесом. Лось что-то орал в рацию, потом попытался достать Манжулу, подпрыгнул вдруг, разложился шпагатом и затих. Нога в берце пяткой заскочила за затылок, а из таза, прорав штаны, вывернуло бедренный сустав. Как я понял, то его из крупнокалиберной снайперки гахнули в плечо. Пуля прошла сквозь все тело и вышла через левое бедро. Напавал сразу, не мучаясь, отошел наш командир...

ГОЛОС СПРАВА. Тебя тоже снайпер?

ГОЛОС СЛЕВА. Да откуда ж я знаю?! Минут несколько всего того боя-то было. По нам толком-то и не били, говорю же, весь огонь на Батю сразу сместился. Нас только раз шесть минометом накрыло, ну и со стрелковки чуток, для острастки. Ну, вскорости после Лося меня по поясице, словно доской, плашмя огрели, что задохнулся аж. Бронник на мне был для защиты печени и прочих органов ливера, в него раз несколько тоже прилетело, а здесь вишь как – поясицу не прикрыл. Потом отошел, стал слышать, соображать. Шевелюсь – в спине боль дикая, но ноги слушаются, цела была хребтина, значит. Кизима уже отошел к тому часу.

Там, видать, и помимо лица плохо дело было. Я его перевернул когда, то вижу, что на глаза открытые щепы и глина налипла, значит, умер он сразу, еще когда повалился. И под ним – лужа огромная, кровью, что твоего кабанчика кололи. Ну, да некроз гангрене не помеха – то, видать, ему еще в бедренную артерию прилетело вот он и истек, пока мы с Лосярой на челюсть его оторванную смотрели.

ГОЛОС СПРАВА. Если в бедренную, то не спасли бы никак.

ГОЛОС СЛЕВА. То понятно.

ГОЛОС СПРАВА. Ну, а сам как выбирался?

ГОЛОС СЛЕВА. Да никак сначала. Лежал, ждал. Бой то стихал, то разгорался. Уже мехбат подключился – начал упыркы утюжить с гаубиц и САУшек. Темень упала. Я к тому времени отполз метров на двадцать в канаву меж грунтовкой и отвалом. Минут в десять-двадцать нацики с «подноса» по mine ложили в наш сектор, ну, а мне и без еще одного осколка в хребте было хоть волком вой... Так лежал, пару раз проваливался. Потом понял, что замерзаю вконец. Мороз не сильный был – градусов пять-семь, не больше, но лежа-то в снегу сколько выдюжишь? До полуночи держался. Переворачивался с боку на бок и качал мышцами пресса, ног, плечами, руками. А оно больно ведь, аж в испарину кидает. Тоньку свою вспомнил... брошенную... непримиренную. Зайку-Зойку малую. В школу уже пошла, а папка, пусть и с обидой на меня, но вот здесь, – вот подохнет он ща, без всякого боя. Не повинится, не обнимет. Вот так, держа баб своих перед глазами, и качал себя до согрева каждый раз. До отруба...

ГОЛОС СПРАВА. Силен...

ГОЛОС СЛЕВА. Ага, невероятно. Только потом, как выбился из сил, стал проваливаться все глубже, и галюны пошли или сны – не понял, короч. Вот тут и дошло – если не выползу, замерзну. Наши или завяз-

ли, или думают, что здесь всех положили, и нет от них помощи. Так и пополз – по метру, по два. Пистолет – в кубанку, ту за пазуху и вперед. Прополз метров двадцать, пока не выбился из сил – кубанку на голову. Отдышался, замерз – пистолет в папаху, ее за пазуху и дальше пополз...

ГОЛОС СПРАВА. Долго?

ГОЛОС СЛЕВА. До рассвета. Я несколько раз выпадал, причем конкретно так, видать, на несколько часов каждый раз. И тут пришла какая-то ясность. Причем невероятная... Со звездами разговаривал...

ГОЛОС СПРАВА. В смысле, галлюцинировал?

ГОЛОС СЛЕВА. Не знаю... Сейчас не знаю. Тогда казалось, что нет.

ГОЛОС СПРАВА. И что они тебе говорили?

ГОЛОС СЛЕВА. Кто?

ГОЛОС СПРАВА. Звезды...

ГОЛОС СЛЕВА. Я не помню. Слов не помню никаких. Но хотелось разрыдаться и просить прощения...

ГОЛОС СПРАВА. А потом?

ГОЛОС СЛЕВА. Потом – стало светать. В морозном яреве, в чистоте пришла такая легкость, что, казалось, вздохни чуть глубже и улетишь вслед за инеем, словно оторвавшийся тромб. И так страшно, так яростно захотелось жить, что я молил о каждом миге, каждом мгновении, каждом движении... и полз... Последний раз получилось неслабо так, на пригорок выгреб у самой посадки, дымок почуял и последним рывком выбрался к крайнему окопу. Там меня и приняли – в звезды...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же. Те же.

ГОЛОС СЛЕВА. Крам, ты говоришь, Манжулу по жизни знал?

ГОЛОС СПРАВА. Если то был ваш Манжула. И то – не «знал», а

видел пару раз, когда в Ворошиловском предвыборку отработывали. Я же тебе говорил, он тогда подъел сенца и за кабана байку рассказывал.

ГОЛОС СЛЕВА. Че там вообще было?

ГОЛОС СПРАВА. На выборах?

ГОЛОС СЛЕВА. Нет, с кабаном...

ГОЛОС СПРАВА. А... та два прикурка свинью резали. Но травил физрук знатно. Вышло у них так. Одна бабка пригласила соседа с приятелем забить хряка. Мужчины солидно приняли по стакану и поймали свина и без затей дали ему в лоб кувалдометром. Тот закатил глазки, дрыгнул для порядка копытцами, обгадился и затих. Дело сделано – пошли мужики водочки выпить. Только налили, как хряк очнулся и стал звать на помощь, причем громко так звал, до самоизумления. Те, хлопнув по Марусин поясок, хряка поймали, подвесили за задние ноги и сунули Пятачку ножа под ребро. Свин пораженно затих. Решили, значит, что всё – состоялась казнь. Послали женщину за водкой. Накатили. Начали щетину палить. Свин ожил – стал материться и снова звать соседей. Изрядно окосевшие забойщики заголили провод переноски и дали в свинной пятак двести двадцать. Кабан, подзарядив батарейки, заверещал сильнее. Когда физкультурник заглянул выяснить, что так долго делают со свиньей два поселковых прикурка, то застал двух синяков, пытающихся утопить её голову в ведре с водой. Оба мокрые до нитки, злые, но решительные.

ГОЛОС СЛЕВА. Теперь, наверное, оба здесь себя нашли.

ГОЛОС СПРАВА. Точно! Старшими, как ты говоришь, дознавателями...

ГОЛОС СЛЕВА. Расскажи еще что-нибудь...

ГОЛОС СПРАВА. Например?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, про выборы свои – кого-то хоть выбрали? И как ты вообще в это движение попал?

ГОЛОС СПРАВА. Да как попал...
Из цирка!

ГОЛОС СЛЕВА. Да ты че?!

ГОЛОС СПРАВА. Ага. На самом деле совсем ничего там поработал... так, поставили несколько утренников, провели с пятюк концертов да сняли пару раз бабла с народа на всяких тупых шоу. Правда, посмотрел изнутри на цирковую жизнь.

ГОЛОС СЛЕВА. И шо – весело живут товарищи артисты?

ГОЛОС СПРАВА. Та мрак...

ГОЛОС СЛЕВА. Че так?

ГОЛОС СПРАВА. Бухают по-страшному, круче лишь в армии заливаются. Извращенцев много, и вообще. Еще ужасный быт народу трэша добавляет – затрапезные гостиницы, жизнь на колесах, вонь эта вечная. Нездоровая тема в целом. Но главное, что циркачи, насколько я понял, в большинстве ущербные, как творческие люди. Это если, конечно, самых известных не считать и владельцев аттракционов – те с советских времен были узаконенными капиталистами и рабовладельцами. А в массе своей актер цирка – это переросший спортсмен, так и не ставший настоящим артистом. Отсюда такие комплексы, что круче только у актрис уездных театров и прочих опербалетов.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, то такое: внимание там, слава... сама проблема где? Работа, зарплата, путешествия – все есть, ну, не всем же с экранов нимбом отсвечивать?!

ГОЛОС СПРАВА. Вот именно, что «такое»? Был один мастер по ремонту и созданию аксессуаров для иллюзиониста. У него с этим фокусником был невинный «голубой» роман, а иллюзионист меж тем имел кордебалет, где кобыл штук двадцать, и все как на подбор – под метр восемьдесят каждая. А мастер его дико ревновал и гонял каждый раз, как нажирался, то есть строго раз в неделю, без прогулов. Тот синяки замажет гримом – и на манеж. Так они и жили большим творческим коллективом.

Еще застал совершенно дикий, силы мексиканских страстей, роман между атлетом живой пирамиды и молоденькой клоунессой из шоу лилипутов. Он – запойный алкоголик, она – осатанелая нимфоманка. Как они там это делали, я не хочу даже себе представлять – у него шея была шире, чем у нее плечи. Однако он от нее реально прятался, в том числе зарываясь в сено на конюшне. Первый и единственный человек в моей жизни, что выпивал флакон «тройного» из горлышка (оно, если помнишь, узкое). Высасывал, как младенец, бутылочку и расплывался в совершенно невероятной, блаженной улыбке. Таких баночек он мог насосать штук десять за вечер. Как тебе 750 миллилитров неразбавленного одеколона?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, атлет, че там, где уж нам, любителям...

ГОЛОС СПРАВА. Звери – отдельная тема. Ставили шоу «масок ужасов» на Хэллоуин, а в цирк как раз на гастроли номер со слонами привезли. Днем они деток развлекают, вечером мы взрослых пугаем. В это время я с Аленой сошелся. Распорядок у нас был такой: приезжаю вечером – звоню в квартиру. Она вначале открывает лоджию, потом мне. Я бегу на балкон, Алена за мной все двери закрывает. Я раздеваюсь там догола с трусами-носками и стучусь. Она открывает, и я лечу в ванную. Утром все в обратном порядке.

ГОЛОС СЛЕВА. Пряма так?

ГОЛОС СПРАВА. Да. Вся служебная часть цирка, от гримерных до форганга, насквозь прованивается аммиаком даже без заходов в слонятник. Одежда там за два-три часа наберет запах до такой степени, что в автобусе люди шарахаются, а у самого от нашатыря глаза слезятся.

ГОЛОС СЛЕВА. Зато слоники красивые...

ГОЛОС СПРАВА. Очень. Знаешь, почему кошки – ну, там, львы, тигры – на манеже никогда не гадят?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, кто ж хлыстом по роже хочет!

ГОЛОС СПРАВА. Там их еще до шамберьера в чувство приводят. Кошки работают, как правило, во втором акте – после антракта. Вот когда их привозят в передвижных клетках и выстраивают перед форгангом в туннель, то просовывают каждой под лапы стальные листы и колотят по железу молотками. Кошки в истерике делают все дела сразу, плюс выходят работать потом в центральную сетку манежа подавленные. Все! Простая физиология и никакой магии.

ГОЛОС СЛЕВА. Ничё. Здесь бы их еще и гимн петь научили, стоя на задних лапах. Короч, ты познал в цирке, как с контингентом общаться – на людях это все испробовал?

ГОЛОС СПРАВА. Не все, но, кстати, посыл верный. Ты там кто, говорил, по образованию: инженер-технолог. Кузня, прессы, все такое, правильно?

ГОЛОС СЛЕВА. Ага...

ГОЛОС СПРАВА. Вот тебе надо новую деталь, к примеру, отштамповать – какие вопросы ты будешь задавать заказчику?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, это целый процесс запуска производства. Что делаем, кому, зачем, какими силами и на каких мощностях? Но главный вопрос, разумеется: «Где здесь деньги, чуваки?!»

ГОЛОС СПРАВА. На самом деле вопросы «что?», «где?», «когда?» никакой глубины не несут. Для технолога по-настоящему важны лишь вопросы действия: «почему?» и «как это работает?» Все остальное – зона ответственности менеджеров и финансиста. Поэтому как технолога меня интересуют только «как?»

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, и как? Объясни?

ГОЛОС СПРАВА. Приходит как-то лет сто назад клиент – небольшое полкустарное производство: переработка собираемой макулатуры в

туалетную бумагу. Бумага, кстати, конкретное говно. У клиента проблема масштабов потери бизнеса – пара рыночных оптовиков заключила прямые договоры на поставки вагонных партий туалетки от некогда всесоюзного производителя. То есть ты понял: мелкие сыграли в крупный опт. Если клиент раньше как-то мог лавировать демпингом и оперативно, то теперь он стал стремительно терять свой рынок. Заводик на грани закрытия, склад забит, а остановить закупку равно отдать поставщиков конкурентам.

ГОЛОС СЛЕВА. Наши натравили бы прокурорских, делов.

ГОЛОС СПРАВА. Это не работает. Дорога проторенная – другие операторы начнут работать вагонными партиями, а прокуратура стоит дорого, да и ну их на фиг вообще, тех прокурорских.

ГОЛОС СЛЕВА. Эт точно...

ГОЛОС СПРАВА. Мы сделали проще. Генерировали слух и следом дали несколько публикаций, плюс один телевизионный ролик, где, не называя цели атаки, и без малейшего повода для исков этот самый слух жестко и в лоб подтвердили.

ГОЛОС СЛЕВА. И что ты за молву подпустил?

ГОЛОС СПРАВА. Утечку информации о нарушениях санитарных норм столичным производителем и десятках зафиксированных случаев заболевания резистентной формой псориаза ануса и генитальной зоны после использования туалетной бумаги оппонента.

ГОЛОС СЛЕВА. Млять... Как вас не отстрелили после этого?

ГОЛОС СПРАВА. За что? За слух?!

ГОЛОС СЛЕВА. Не, ну это конкретно гнусно – не находишь?

ГОЛОС СПРАВА. Кто-то пострадал? У чьих-то деток кусок хлеба отняли? Не?! Завод выжил, люди остались с работой – там, кстати, человек

десять простых тружеников, помимо заказчика. Налоги опять же в местный, ха-ха два раза, бюджет. Монополисту вагон туда, вагон сюда – конкретно по фигу. И кому «гнусно»?

ГОЛОС СЛЕВА. Да я за сам подход...

ГОЛОС СПРАВА. На самом деле ничего не подло – это действительно и малозатратно. Заводику, кстати, потом еще помогли: подсказка про две банки хлора и флакон синьки в пульпу дали ослепительно белый цвет бумаги, а увеличение высоты рулона на полтора сантиметра – прекрасную отстройку от аналогов на витрине.

ГОЛОС СЛЕВА. Вот честно скажи: ты сам-то ей пользовался?

ГОЛОС СПРАВА. Прикалываешься?! Нет, конечно. Ты бы видел, из чего и как они ту бумагу делают...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, я ж и говорю, что гнусенько.

ГОЛОС СПРАВА. А сама жизнь здесь? Да все эти годы, четверть века, я отсидел в этой стране, а не жил! Откусил, украл, вырвал с глотки – вот и добыл. Нет – перекусят тебя, переступят и поглумятся еще. И чем все это закончилось, посмотри?! А ты завелся за слушок – железа совесть воспалилась?! Подумаешь, дали монополисту чуток ниже пояса – и что?! У тебя на заводе, к примеру, все в белом ходило, не иначе, да?

ГОЛОС СЛЕВА. Да, чё там, того «Проммаша» – сколько я там проработал?! У меня на металлоломе сама жизнь началась. Вот где кузница кадров была и прикладные институты...

ГОЛОС СПРАВА. Та я слышал! За «металлистов» еще с девяностых молва ходила.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, врать не буду, прозрачностью бизнес не грешит. Прямо скажем, достаточно криминализованная сфера деятельности. Однако, как говорится, безвинно ни одно животное не пострадало.

ГОЛОС СПРАВА. Что вообще за бизнес, и где там бабки?

ГОЛОС СЛЕВА. Там зарабатывают все от закупки до переработки и от перевалки до сбыта. Оптовик гонит готовый лом в порт или на завод. Там свои схемы. Вокруг тоже народ кормится. Ну и дольщики, понятно дело, – менты с прокурорскими, котлонадзоры и всякие проверяющие.

ГОЛОС СПРАВА. Чем занимался?

ГОЛОС СЛЕВА. Дорос до начальника перерабатывающего участка.

ГОЛОС СПРАВА. Это как?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, закупщик везет нам все подряд. Мы это дело сортируем, пилим в размер по ГОСТу, грузим в полувагоны и по контрактам хозяина отгружаем получателю.

ГОЛОС СПРАВА. Куда грузили?

ГОЛОС СЛЕВА. Много куда. В основном в Турцию, на Измир, Демир гнали, из него строительную арматуру изготавливали.

ГОЛОС СПРАВА. Полноценное производство, выходит, было?

ГОЛОС СЛЕВА. Конечно! У меня была автомобильная и железнодорожная весовые, два крана – РДК на площадке и мостовой в цеху, плазменная установка и шесть постов газорезки со всеми коммуникациями. Плюс одиннадцать километров подъездных путей. Одних работяг с дюжину. Считай, мини-заводик.

ГОЛОС СПРАВА. И долго так работал?

ГОЛОС СЛЕВА. Да лет десять, считай.

ГОЛОС СПРАВА. Так ты миллионером должен быть?!

ГОЛОС СЛЕВА. Ага... ща! Миллионером был хозяин. И главный принцип у него – чтоб никто под ним не забогател. Ну, и крутил-вертел всякого, пока люди окончательно не разбежались. Жаль, поздно поняли. Все надеялись, что мы в армии Чингисхана, а оказалось, что это мелкий барыга разлива «дом, машина,

любовница в шубе, плюс три раза в год оттянуться в Эмиратах, в Европе и в Таиланде». На этом, как выяснилось, все амбиции его закончились. Зачем мелкому лавочнику в армии генералы? Ему и приказчик не нужен, сам со всем управится. Кстати, так и вышло – опустился потом. Сейчас живут не бедно, но он уже не глава корпорации, а тряпочка на подхвате у жены, – та маленькое ателье держит. Водила, грузчик, розетку там починить или кран на бачке, ну и сторож временами... А когда-то три корабля в месяц грузили всеми цехами с двух областей.

ГОЛОС СПРАВА. Яков, прости, но у нас тут в провинции девять с половиной из десяти все ушлёпки такие, если каждого вот так, как ты, аршином судьбы мерить. В столице большинство олигархов такие же презервативы, раздутые до размеров дирижабля. Просто сели вовремя на капитальную тему, где и насосались до неподъемных размеров. Посмотри, кто страну обрушил, – они самые – точно такие же, как твой металлист. Тот хоть окружение высасывал, а эти само государство обескровили...

ГОЛОС СЛЕВА. Работал с ними?

ГОЛОС СПРАВА. Со столичными олигархами практически нет, а с местными бонзами – в полный рост и на всех уровнях.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, вот и заработал, считай. Миллионы, как я понимаю, тоже не прилипали, как собачье дерьмо к штиблетам?

ГОЛОС СПРАВА. Там жлобы знатные, твоего железного дровосека в разы круче, не бойсь.

ГОЛОС СЛЕВА. Не сомневаюсь. Но рассказывают за бешеные подъемы на выборах?

ГОЛОС СПРАВА. Деньги лежат буквально под ногами, но тут же надо воображение иметь и желание что-то созидать, чего-то добиваться. А дровосеки хотят лишь рубить короткие, простые схемы. Давай расскажу тему.

Ты знаешь, что в Городе есть несколько подземных улиц?

ГОЛОС СЛЕВА. В смысле – «улиц»?

ГОЛОС СПРАВА. В прямом. Прямо под проезжей частью Октябрьской тянется подземная галерея метров в триста. Поперек еще несколько тоннелей. Меж ними серьезные такие бомбоубежища со всеми делами. У ряда некогда государственных зданий и всех четырех музеев есть огромные подвалы. Подземные галереи бывшего Свято-Никольского храма, о которых ректорат нынешней Академии культуры, похоже, не подозревает, раскинулись на три близлежащие улочки. Из ДК Железнодорожников до самой реки ведет эвакуационный подземный ход, а в бывшие следственные подвалы теперешней седьмой больницы даже днем персонал не спускается. Знаешь что-нибудь об этом?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, какие-то слышал, но так, краем уха.

ГОЛОС СПРАВА. А я занимался этим профессионально несколько лет. Под центром города есть разветвленная сеть коммуникаций, большинство из которых законсервировано или наглухо заброшено. Однако часть в нормальном рабочем состоянии, так как это все – старый центр города, как ты мог заметить. Там только банков с пяток, и все они под вневедомственной охраной МВД. Менты и контролируют допуск на эти горизонты. Это предыстория. Теперь сама тема: во всем мире, особенно в Европе, такие коммуникации давно стали объектом системной коммерциализации. Несколько подземных объектов соединяют проходами, приводят все это в божеский вид, электрифицируют, делают вентиляцию и так далее. Следом краеведы рисуют городские легенды, историки создают мини-музеи, мастера лепят артефакты, бизнесмены строят рестораны и кофейни, а частные предпринима-

тели – бутики и сувенирные лавки. Туристические агентства создают маршруты, а мы ставим рекламные носители и лепим из скучных чинуш мудрых пионеров нового фронта. За год интенсивной коллективной работы город вдруг обзаводится интересным туристическим центром, а власть получает в старом центре несколько новых улиц для системного кормления. Вопрос! Сколько народных депутатов, мэров и губернаторов заинтересовались этим проектом, когда все это не слова, а тупо видно со спутника, или проще дать команду ментам принести в кабинет карты подземных коммуникаций?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, если все на самом деле так, то такой проект, конечно же, лучше не трогать...

ГОЛОС СПРАВА. Черо?!

ГОЛОС СЛЕВА. Да того! Региональные власти находятся в чутком равновесии. Такой серьезный проект в наших местечковых масштабах просто глобален и нарушает этот паритет. Бабки ведь со старта видны сумасшедшие. И первые же реальные подвижки, ну, или там аукцион, просто сорвут всех с катушек. Центры сил перекосятся, и все пойдет вразнобой. Одной новой недвижимости сколько появится?! И никто не станет считать, какое количество тонн зелени надо еще туда инвестировать. И где гарантия, что ты случайно не вложишься в чужой карман, когда все контровесы посыпались? Не, чувак, тот, кто начнет у нас строить такой Лас-Вегас, неминуемо огребет полбоймы своих честно заработанных девятимиллиметровых маслин.

ГОЛОС СПРАВА. Вот об этом я и говорю: ушлёпки...

ГОЛОС СЛЕВА. Ты за «космические технологии» говорил – об этом речь?

ГОЛОС СПРАВА. Нет, то другое... Ты «Тёплый Тёма» знаешь?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, конечно...

ГОЛОС СПРАВА. Приходит раз

их региональный директор и заявляет нам, мол, дайте нам креативный нестандарт, чтоб всех порвать – да на весь Союз, да на всю Европу, чтобы круче всех «вааще-в-натуре!» Причем не на пальцах пришел загибать: все официально – бриф, мокрая печать, как положено. Заявляет, мол, цена – не вопрос, понравится – купим любой проект. Как скажете... подготавливали предложение, расчетную смету. Предложили следующий порядок шагов. Первое. Оплачиваем в частном порядке у спецов Роскосмоса разработку искусственного спутника Земли, представляющего собой круглый пневматический каркас, и парус из полимерной пленки со светоотражающим покрытием радиусом в несколько сот метров. Посреди, на весь диаметр диска, светопоглощающая буква «Т» с точечками на ней – логотип «Тёмы». Вторым шагом заключаем договор на регистрацию и создание объекта, его упаковки системы раскрытия и координации спутника, чтобы он висел в одном месте и, как положено, отсвечивал – виден был, откуда надо. Третьим шагом – оплата вывода спутника на геосинхронную орбиту. Даже посчитали, во что конфетка обходится: десятка зелени за разработку, чуть больше – за создание. Вывод на орбиту самый дорогой – три-четыре тысячи за килограмм, то есть весь проект укладывается в пределы нескольких миллионов за искусственную Луну с твоим логотипом над европейским куском северного полушария.

ГОЛОС СЛЕВА. Насколько это дорого в порядковом исчислении для их обычной рекламной кампании?

ГОЛОС СПРАВА. Понты. Один борд стоит от пятисот до штуки баксов в месяц. Плюс сотка на печать постера. Чтобы накрыть Город нужно минимум тридцать, а лучше пятьдесят плоскостей. Вот перемножь все это на количество городов и число областей. Посчитал? Теперь умножь

на три – получишь еще и телевизионный медиабанг. Остальные позиции бюджета просто не бери в голову – ты же на порядок цен хотел посмотреть.

ГОЛОС СЛЕВА. И сколько им понадобилось времени, чтобы сказать вам «нет»?

ГОЛОС СПРАВА. Смеешься? Да они тупо отморозились...

ГОЛОС СЛЕВА. Чувак, ты вообще понимаешь, что таких, как ты, реально надо отстреливать?

ГОЛОС СПРАВА. Жаждающим придется очередь занимать.

ГОЛОС СЛЕВА. Не, ну серьезно. Дай вам волю, вы все небо загадите рекламой, как эфир или улицы. Я представляю, что вы на выборах творили. Небось, покруче наведенного псориаза будет?

ГОЛОС СПРАВА. Тебе, правда, это интересно?

ГОЛОС СЛЕВА. А че, давай, колись, где удача мимо прошмыгнула?

ГОЛОС СПРАВА. Впервые мы грянули в литавры еще на позапрошлых. Наш мальчик пошел в мэры и предсказуемо продул Андреичу, который тогда впервые впрягся в хомут Презика и его камарильи.

ГОЛОС СЛЕВА. Андреичу тогда продул бы любой.

ГОЛОС СПРАВА. Да. Задачи побеждать не стояло – следовало отстирать репутацию нашего мальчика, зашедшего вдруг в песочницу взрослых дядей. За ним ведь шлейф веселых приключений тянулся – мать честная. Вот и вышла у него такая себе политическая инициация. Все забыли про легендарные погромы, стрельбу в кабаках и разбитые тачки, а увидели молодого перспективного политика.

ГОЛОС СЛЕВА. Стоять! Ты не за Венечку Зализняка, случаем, речь ведешь?

ГОЛОС СПРАВА. Ага...

ГОЛОС СЛЕВА. Млять... лучше б псориаз... Ну, лады, давай – не перебиваю...

ГОЛОС СПРАВА. К следующему мэрским мы пришли, всерьез подготовившись. Убедили мальчика ангажировать лидера местных социалистов Серафима Епифанова – оппозиция, но не националист и, опять же, социально близок пенсионерам – нашей отборной пехоте. Следом на корню купили всех мало-мальски заметных ажурно-лиздов даже из числа партийных и коммунальных СМИ. Наши неизбалованные провинциальные телевизионщики, газетчики и интернетчики с приходом кодлы Презика вообще от безнадеги желчью икали. Принципиально важно, что мы договорились с хозяином телерадиокомпании «Итэра-ТВ» и даже с ее капризным исполнительным директоратом. Даже нациков, кстати, до кучи прикупили в пул. Ту же Яну тупо посадили на зарплату, а как она редакцию ломала, уже не наш головняк.

ГОЛОС СЛЕВА. Яна?

ГОЛОС СПРАВА. Редактор «Красного поля». Прикинь – даже они работали на Серафима.

ГОЛОС СЛЕВА. Боже...

ГОЛОС СПРАВА. Та ладно! Нормальная, почти не сумасшедшая баба, такой себе гибрид Красной Шапочки и Трезора. Нам важно было не столько дерьмом Андреича поливать, а чтобы против Серафима, отныне нашего с потрохами, нацики свои грандоедские говнометы не расчехлили. Ведь главная фишка была вовсе не в управляемом медийном поле, а в запуске впервые апробированной в Городе технологии праймериз.

ГОЛОС СЛЕВА. Слышь, а это слово можно произносить при милиционерах?

ГОЛОС СПРАВА. ?..

ГОЛОС СЛЕВА. Ты не выпендривайся – по-русски говори.

ГОЛОС СПРАВА. Предварительные выборы. Мы создали симулятор отбора кандидатов горожанами. Как бы не партии и самовыдвиженцы

идут в мэры, а Город делегирует своего кандидата. Потом нашего Франкенштейна как победителя общественного волеизъявления выставили против Андреича, успевшего за первую каденцию утомить и Город, и элиты.

ГОЛОС СЛЕВА. Ты хочешь сказать, что это ты придумал кампанию «Народный мэръ»?

ГОЛОС СПРАВА. Да. Мы придумали. Наш штаб. И придумали, и реализовали.

ГОЛОС СЛЕВА. А палатки, урны, волонтеры – тоже ваши, выходит?

ГОЛОС СПРАВА. И разводняк в телевизоре, когда Зализняк добровольно уступил лидерство Серафиму и вошел в его команду, – тоже мы. И все газеты-интернет, и учителя-врачи, и заводчане твои любимые с «Проммаша», и даже митингующие на рынках тетки – тоже мы. За какие-то несчастные четыре месяца мы полностью переформатировали Город – от медиа и лидеров мнений до пенсионеров и мамашек на детских площадках...

ГОЛОС СЛЕВА. И «Ледокол Епифанов»...

ГОЛОС СПРАВА. Да. Второй этап, перед заключительным, третьим выстрелом: «Команда Епифанова»...

ГОЛОС СЛЕВА. Но вы же все равно проиграли?!

ГОЛОС СПРАВА. Кто тебе сказал?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, как?! Епифанов проиграл, Андреич – мэръ?!

ГОЛОС СПРАВА. А на каких условиях – знаешь?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, так рассказывай – чего резину тянешь...

ГОЛОС СПРАВА. Рассказываю. Наверху расклад был такой. В партии за выборы отвечал Колунов, контролировал выборы глава Президентской Администрации, а Сам ездил по стране: днем размахивал руками и улыбался на митингах, а по вечерам

откусывал головы напортившимся донам. Мы тем временем выходим на финишную прямую. Все соцпросы показывают, что Андреич с партией власти в глубоком пике. Значит, скоро в Город приедет Сам и вырвет губернера чего не то лишнего в организме. Наступает момент истины. Зализняк идет к элитам и предлагает им сделку. Губерния посылает заигравшегося мальчика прямо по коридору и налево. Веня ночью вызывает меня к себе и говорит: «Марк, делай, что хочешь. Бюджет любой. Весь этот гадюшник взорвать в клочья! Мне по фиг, что будет. Что хочешь и как хочешь. Срок исполнения – вчера...» Одним словом, команда «фас!»

ГОЛОС СЛЕВА. Я весь в предвкушении запредельно радиоактивного псориаза...

ГОЛОС СПРАВА. Зря смеешься. Там реально могли приехать ребята, вывезти всем штабом в посадку и выдать на самообслуживание каждому по штыковой лопате.

ГОЛОС СЛЕВА. Не перебиваю!

ГОЛОС СПРАВА. Зашли мы с двух сторон. Справа выпустили на арену местную богемку: контркультурщики, блогеры, гомосеки.

ГОЛОС СЛЕВА. Даже так?!

ГОЛОС СПРАВА. Да. Написали им сценарий в формате классического акционизма, по которому они провели костюмированное действие под девизом «Геи за Андрея».

ГОЛОС СЛЕВА. Я помню.

ГОЛОС СПРАВА. Провели, надо сказать, бездарно, испортили сценарий и украли часть денег. Но то неважно. Пока наши элитки тупили на голубой карнавал и пытались отдуплиться, что происходит – настал день «Ч». К концу голосования они поняли, что проиграли вчистую, и подсчет голосов по беспределу был остановлен на трое суток. И вот тут в двух центральных СМИ вышла небольшая заметка о том, как губер и его команда подставили Презика, забив на его

процедурный Указ. О нашем кризисе трубили все, однако вовремя подоспевшая интерпретация с жирными точками над «і» вызвала настоящий взрыв – дело вышло как умышленный саботаж и шкурное самоуправство элиток к приезду Самого. Но и это – не главное. Вся фишка концентрировалась в использовании технологий мониторинга, которыми пользуется Администрация Президента. Им ведь надо как-то тотально отслеживать все интернет-пространство государства и сопредельных стран? Вот для этого существует определенный алгоритм мониторинга и отбора – какие из публикаций в какую очередь выдергиваются из медийного потока, с каким грифом и в каком порядке подаются на стол главы Администрации. Я этот алгоритм узнал, нашпиговал текст маяками и врезал со всего размаха – ломом да промеж ушей.

ГОЛОС СЛЕВА. Выходит, губернатора тогда снял ты...

ГОЛОС СПРАВА. Да. Лично. Почти в одиночку. Никто этого не понял, даже наш мальчик.

ГОЛОС СЛЕВА. Или сделал вид...

ГОЛОС СПРАВА. Это возможно...

ГОЛОС СЛЕВА. И дальше?

ГОЛОС СПРАВА. Когда Сам уехал, временно исполняющему позвонил Колун, мол: «Что у вас там за шапито?» Ему доложили как есть. Он дословно велел: «Задрали, жлобы! Дайте пацанам, что они просят, но мэр – наш. За сутки вопрос закрыть». Господина Зализняка и господина Епифанова вежливо пригласили в «Белый дом» и к полуночи компромисс был достигнут. Наш мальчик получил весь рынок наружной рекламы Города и ключевые места для своих людей в исполкоме горсовета – реклама, транспорт, бюджет. В качестве суперприза – письменно заверенную договоренность, что через два года он идет в парламент от пар-

тии власти. Епифанов получил для городских социалистов должность секретаря городского Совета, а также заверения в крепкой нерушимой дружбе со стороны нового губера и нашего мальчика.

ГОЛОС СЛЕВА. Серафима кинули?!

ГОЛОС СПРАВА. Да.

ГОЛОС СЛЕВА. Что получил ты?

ГОЛОС СПРАВА. После трехмесячных мытарств мне пообещали поднять зарплату и вручили золотой «паркер» за штуку баксов. Чувств унижения – не передать: ощущение безнадежной обиды, как вкус во рту от поцелуя пожилой шлюхи.

ГОЛОС СЛЕВА. И?!

ГОЛОС СПРАВА. Ушел... Я ж ведь злопамятный, как хорек. Подумал, да ладно, сука, – оставь себе на похороны!

ГОЛОС СЛЕВА. Тебя тоже кинули...

ГОЛОС СПРАВА. Да.

ГОЛОС СЛЕВА. Чувак, я ждал этого с самого начала рассказа. Видишь? Достаточно одной оплеухи, чтобы всякий кураж сдуло, как нежнейшую пыльцу с крылышек бабочки. С мизантропией такой трюк не прокатит. Да... Ты спасибо мальчику-то хоть сказал?

ГОЛОС СПРАВА. За что?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, как... Спасибо, что деньгами! Ведь тебя на самом деле не кинули, а пощадили – шанс дали. Ты вообще представляешь, в какое чудовище ты бы вырос там, в том гадюшнике?! С твоим-то стартовым капиталом и послужным списком – псориазы, «Геи за Андрея», старики, небось, и бабушки в расход пошли?

ГОЛОС СПРАВА. Пошли, конечно, – через два года...

ГОЛОС СЛЕВА. Да... Кидалово – наше все.

ГОЛОС СПРАВА. Тоже вкусил?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, спрашиваешь?! Святое дело.

ГОЛОС СПРАВА. Знаешь, долго думал потом, мучился – где я лоханулся?

ГОЛОС СЛЕВА. Придумал?

ГОЛОС СПРАВА. Неа... Пришел к мирному соглашению с самим собой на тему: «С мразями работать нельзя». Самое страшное здесь в том, что я убил годы, сражаясь за будущее тех, кому, лучше бы вообще... Ну, ты понимаешь.

ГОЛОС СЛЕВА. Считаешь, что Зализняк – мразь?

ГОЛОС СПРАВА. Как минимум, козлина неблагодарная и ничтожество.

ГОЛОС СЛЕВА. Человек, которому удалось в провинции построить бизнес-империю в таком окружении, как наш бывший губернатор? Стать впоследствии народным депутатом и еще неизвестно, до каких высот дорасти уже на государственном уровне, кабы не война, – ничтожество?! Ты себя слышишь, чувак, или все еще расцарапываешь ранку былой обиды?

ГОЛОС СПРАВА. Хорошо. Веня – икона стиля и праведник.

ГОЛОС СЛЕВА. Ты не злился, слышишь. Он не праведник, и не мразь, и даже не ушлёпок, в твоём понимании. Он человек на своем месте, в своих обстоятельствах и в своем праве. Ты работал? Да. Мог украсть? Мог. Украл? Нет. Почему?

ГОЛОС СПРАВА. Что значит «украсть»?!

ГОЛОС СЛЕВА. Вот! Для тебя это вопрос. Неважно, почему ты не украл, хотя он же тебе прямо сказал: «Фас, чувак! Бюджет любой! Делай дело и заработай, сколько сможешь. Мне плевать на затраты – дай мне мое! Дай мне результат?!» Так было?!

ГОЛОС СПРАВА. Не так...

ГОЛОС СЛЕВА. Ты сам себе не веришь. Так было, Крам, именно так. Совсем не важно, почему ты не крал: честный, брезгливый, трусливый или нерасторопный. Не суть важно. Золотая ложка с медом проплыла мимо

рта, и виноват в этом не какая-то запредельная козлина по имени Веня, а ты сам. Выдохни, сделай выводы и расслабься до следующего раза, которого у тебя уже не будет.

ГОЛОС СПРАВА. Спасибо...

ГОЛОС СЛЕВА. Не за что. Я, кстати, не про нашу с тобой камеру, а про сам принцип.

ГОЛОС СПРАВА. На металлоломе познал истину?

ГОЛОС СЛЕВА. Да, представь себе.

ГОЛОС СПРАВА. А как же твой дровосек?

ГОЛОС СЛЕВА. Дровосек кинул меня один раз. Пообещал любому, кто найдет канал сбыта с приемлемой ценой, платить полтора доллара с тонны. На тех наших объемах – пять штук зелени в месяц.

ГОЛОС СПРАВА. Это зарплата миллионера...

ГОЛОС СЛЕВА. Конечно. Поэтому я убил три месяца, нашел поставщика и привез контракт на три с половиной доллара за тонну выше, чем искомая точка отсчета.

ГОЛОС СПРАВА. Что тебе дали?

ГОЛОС СЛЕВА. Ничего. Это ведь исторический круговорот ценностей в нашей природе: снизу наверх идут деньги, а сверху вниз – дерьмо. Хозяин сказал своим ртом: «Ну, ты же на зарплате, чувак, а не на сельщине...» В качестве утешительного приза выделил тяжелый фронт работ, поставили начальником производства на базовую площадку.

ГОЛОС СПРАВА. И дальше?

ГОЛОС СЛЕВА. За полгода я нашел, где лежит бабло. При переработке металлолома остается много мусора – шлам, лед, мусор, ржавчина, некондиция всякая – типа тросов и жести. В полувагон в среднем входит шестьдесят пять тонн. Я стал грузить, грубо, шестьдесят тонн переработанного лома и пять тонн мусора. Пока доедет, вся мачмала осыпается на дно. Дюжину за месяц отправил

– лично тебе зашла закупочная стоимость одного вагона.

ГОЛОС СПРАВА. Дровосек знал?

ГОЛОС СЛЕВА. Конечно. И даже ругал, и даже громко. Но на словах. Ведь это и он на один вагон становился каждый месяц богаче.

ГОЛОС СПРАВА. А как это все принимали?

ГОЛОС СЛЕВА. В порту или на заводе каждый поставщик держит своего экспедитора. Ты даешь ему стоимость двух тонн с вагона. Экспедитор сдает вагоны фирмы приемщику и в случае проблем дает тому стоимость тонны. Грубо, как иллюстрация.

ГОЛОС СПРАВА. Понятно. И что потом?

ГОЛОС СЛЕВА. Как что?! Очевидно же... Стал грузить десять тонн мусора на вагон...

ГОЛОС СПРАВА. Силен. А лавочка чего прикрылась?

ГОЛОС СЛЕВА. Я ж тебе рассказывал: хозяину было невмоготу, что люди под ним вырастают. А у него жена, любовница, племянники, друзья детства, сын подрастает. Семейное предприятие по умолчанию не может быть корпорацией, там изначально демонтированы карьерные лифты. Работай хоть двадцать часов в сутки, но племянника тебе не перерасти. Но вот его, при первой же возможности, поставят на самое хлебное место. Разумеется, на место самого успешного, например, на твое. Они убивали предприятие всей семьей, и у них это получилось, как бы мы ни сопротивлялись. Однако это их фирма, их выбор и их право, согласись...

ГОЛОС СПРАВА. То есть ты утер губы и ушел, даже не отомстив?

ГОЛОС СЛЕВА. Зачем? Пусть он живет со своей гарпией до ста лет! Страшнее мести не придумать...

ГОЛОС СПРАВА. Но ты не стал драться за свою песочницу...

ГОЛОС СЛЕВА. Десять лет борьбы. Иногда устаешь, особенно когда

пациент изо дня в день настойчиво жалеет самоубиться. А вот ты, как я понял, таки отомстил?

ГОЛОС СПРАВА. Не до конца – война всерьез помешала. Однако крову попил знатно.

ГОЛОС СЛЕВА. Это на парламентских, когда бабку insult хвятил?

ГОЛОС СПРАВА. Ага... пиарщики всего Союза до сих пор мироточат от того insultа. Вышло так. К началу выборов, где у него была заготовлена оговоренная контрактом победа, наш мальчик подошел на пике формы и даже чуток расслабил булки – на его округ из своих никто не претендовал, а чужих партия власти тогда уже не боялась, как ты понимаешь, от слова «совсем». Однако вылез джокер в лице зонтичного бренда «Лига Справедливости».

ГОЛОС СЛЕВА. О, да помню! Невероятную пургу несли, болезные...

ГОЛОС СПРАВА. Да прям! Нормальное такое предвыборное красноязычие. Что они несли, неважно, обычная популистика, может, чуть более наглая и циничная, чем у оппонентов. По Вениной песочнице пошел никому не известный отставной козы полковник: на лбу броня – две пачки маргарина, но это тоже без разницы. Важны были следующие моменты. Во-первых, «справедливцы» на каждом из своих избирательных округов задействовали оригинальную систему подкупа избирателей. Они применили стратегию сетевых структур и стилизованные под советский военный билет именные книжки с отрывными талонами. Спустился в собственный двор на митинг, прослушал речуган – получи 10 баксов и жди следующего раза. Каждый подъезд окучивал «десятник», дом – «сотник», потом «квартильные» и так далее. В чем фишка: они на каждом из своих избирательных округов формировали лояльное электоральное ядро раз-

мером в гарантированную победу – тридцать-тридцать пять тысяч человек. Люди от сорока пяти и старше – только активная голосующая часть населения. У каждого в кармане книжка с двадцатью талонами, а человек уже по два-три раза деньги получил и свыкся, что в кармане лежит двести баксов – две его пенсии. Второй фишкой было то, что это ядро оказалось неуязвимо для обычной контрпропаганды. Телевизор, газеты, раздатка и агитация на сетевую структуру не действуют – своего рода секта. Пойди баптистов поагитируй! И, в-третьих, с командой «справедливцев» поработали профессионалы. На митингах они гнали, как ты говоришь, редкую пургу, в лоб паразитируя на советском прошлом и несправедливости нынешней жизни. Но как они это делали?! Просто заглядение. Открытые позы, жестикуляция, самонакачка харизмой – спектакль! Они каждый раз со сцены душу себе и старикам в ключья рвали.

ГОЛОС СЛЕВА. И ты пошел к ним работать?

ГОЛОС СПРАВА. Нет, конечно! За кого ты меня держишь?!

ГОЛОС СЛЕВА. Прости! Молчу...

ГОЛОС СПРАВА. У нас к тому времени был уже неплохой инструментарий: креативное агентство «Перо летучей мыши», неформальная «Лига черных журналистов». Но это параллельно. В основном я писал колонки в «КолонтиCOOL» и кормился от аналитической группы одного столичного олигарха с обширными региональными интересами. Грубо, команда фрилансеров широкого спектра со связями и возможностью быстро и качественно отстреливать вполне серьезные проекты. Про нашего мальчика, как ты понимаешь, я тоже не забывал ни на секунду.

ГОЛОС СЛЕВА. Это понятно... Как он смотрел на «Лигу»?

ГОЛОС СПРАВА. Знаешь, надо отдать должное, реакция оказалась

на удивление бодрой, не дрогнул, что называется, ни одним мускулом. Выписал толкового политтехнолога, до слез мобилизовал менеджеров своей корпорации – собрал нормальную такую рабочую группу, одним словом. Линейно они использовали админку – все достижения и работа властей в округе подавалось как личные достижения Зализняка. На него работали коммунальщики и госсектор, депутаты района и города, мэрия и местные администрации. Плюс Венья параллельно организовал подкуп пенсионеров через собственную сеть магазинов, заблаговременно переименованную в «Гастроном Советский». Раз в месяц-полтора его ядро в те же тридцать тысяч адресов стало получать весьма неплохие проднаборы.

ГОЛОС СЛЕВА. Гречка-масло-колбаса...

ГОЛОС СПРАВА. И водочка, сахар, консервы, чай, вода... нормальный был ответ у нашего мальчика. И все бы хорошо, да за должком пришли.

ГОЛОС СЛЕВА. Ты?

ГОЛОС СПРАВА. Ага. Подробностей не знаю, но через аналитическую группу нашего олигарха наконец-то пришел заказ качественно остудить Венью, но не до смерти. А у меня, как назло, заготовочка в кармане. Веришь в такое совпадение?

ГОЛОС СЛЕВА. В смысле, готовая самоубиться бабушка?

ГОЛОС СПРАВА. Представь себе. Бабушку привезли из соседней области. Просто мы поставили задачу, и через пару дней она приехала. Семьдесят два года, но бодренькая и вся в образе. Театральный стаж около сорока лет, вторые-третьи роли, но школа ведь какая?!

ГОЛОС СЛЕВА. Стоять! Бабушка была актрисой?!

ГОЛОС СПРАВА. Да.

ГОЛОС СЛЕВА. А «скорая», морг, ролик этот долбаный по всем каналам?

ГОЛОС СПРАВА. «Скорая» настоящая, из Дивнозерска. Номера, правда, левые, но их все равно на видео замазали. Сцена с родней у морга настоящая, но оралы они не за нашу бабульку, а за своего мужичка, машиной сбитого, и было это за неделю до нас. Проклинали Веню заходящимися голосами за кадром уже потом – на переозвучке в студии. Парень, оказавшийся случайным свидетелем с любительской камерой, – профессиональный оператор, да и камера у него далеко не любительская. Истерящая деваха с айфоном – тоже не просто мимо проходила. Ролик монтировали не мы, а настоящие телевизионщики на студийном оборудовании. От меня был сценарий, режиссура и значимые детали. Помнишь тапочек бабушки с дырочкой на подошве, что возле магазина, в «скорой» и у морга так вовремя в кадр попадал? Собственно ручно протер на асфальте, ага... А ладонь?! Ладонь с полузажатой пластиковой карточкой, где Венина фотка четко меж скрюченными пальцами подрагивала?! Драматургия античного размаха, а ты говоришь, «бабушка»...

ГОЛОС СЛЕВА. Пригодился тебе цирк, короч. Млять... я за чистую монету принял...

ГОЛОС СПРАВА. Тю... ты принял... Веня поверил! Я его видел на прессухе у губернатора на следующий день: лицо отлитое из надгробного мрамора, от него в коридорах даже бюсты героев шарахались. Наш мальчик первые дня два все пытался семью найти и озолотить. Представляю, каких люлей выписали гастрономовцам... Сколько сразу уличных зонтов и скамеек там появилось, а то ведь в очередях до этого по два три часа люди стояли на солнцепеке. Охрана минералку раздавала, выдачу до девяти вечера продлили, логистику выстроили. А вежливость как зашкаливала?! На пользу урок пошел.

ГОЛОС СЛЕВА. За деталями я не следил. Однако удивил, признаю. Жестоко... Но таки удержался Зализняк, с таким-то залетом. Выиграл.

ГОЛОС СПРАВА. Наши, кстати, помогли. Первый же сказал, «полечить», а не «грохнуть». Там как вышло потом: Венин политтехнолог, не моргнув глазом, начал грамотно бить не столько в «справедливцев», сколько в само лояльное ядро – по старикам. Пошли сплошным потоком черные газеты, где подставные менты и левые прокурорские доходчиво рассказывали, что на пенсионеров заведут дела за неуплату налогов и участие в преступном сговоре. Про полковника всю грязь раскопали, про «Лигу». Да понятненько так разложили, доходчиво, с инфографиками для читать не умеющих. Пошли байки, что на адреса пенсионеров берут адские кредиты – книжки-то именные, с паспортными данными. Ну, фотоматериал соответствующий хлынул – интернет же большой. Потом подмяли кого-то из «тысячников», выцарапали из горла базу данных электорального ядра. Там уже стали просто бить по площадям, публикуя перетасованные списки, чтобы с лупой всю газету штудировали, а не по алфавиту себя в списке искали. Власть надавила на МВД – начались аресты «сотников» и «квартирных» – все это подсветили в СМИ, перед самыми выборами ядро дрогнуло и посыпалось.

ГОЛОС СЛЕВА. Вы как-то в этом всем участвовали?

ГОЛОС СПРАВА. Да. Аналитическая группа опосредовано что-то делала, конечно.

ГОЛОС СЛЕВА. Это сколько ж стариков в гроб свели инфарктами...

ГОЛОС СПРАВА. Свели, не свели – не знаю, но на валидолах, корвалолах и валерьянках, думаю, аптечная сеть поднялась в ту осень нехило. Без меня, я свою вендетку точил, как ты понимаешь, все старался хоть как-то еще разочек дотянуться...

ГОЛОС СЛЕВА. Хех... плеваться говном – запашок изо рта!

ГОЛОС СПРАВА. Кабы не война, поквитался бы сполна – плевками не отделался – достал бы по-любому.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, так тот созыв же распустили. Он и без тебя вылетел из парламента?

ГОЛОС СПРАВА. И что? Распустили потому, что страна с резьбы сошла. Завтра новому парламенту выдадут медаль «За дефлорацию иллюзий» и с улюлюканьем разгонят на следующий день. В любом случае он бы вернулся в большую политику – не лошадей же ему начинать разводять в сорок годков?

ГОЛОС СЛЕВА. А он и так вернется после войны! Ни на фронт, ни в эту камеру такие не попадают. Отсидится, переобучается в который раз, выпишет еще пару технологов, скупит твоих коллег на корню, войдет во власть и станет править с мудрыми оловянными глазами...

ГОЛОС СПРАВА. То понятно. Но я бы хотел поиграть в эти шахматы.

ГОЛОС СЛЕВА. Знаешь, без обид, но я впервые вижу эксперта, так самозабвенно упивающегося своими гнусными навыками.

ГОЛОС СПРАВА. Ты повторяешься...

ГОЛОС СЛЕВА. Не, ну правда. То, чем ты гордишься, на самом деле искусство манипуляций. Лжи. Наведения морока на народ. Это уже не цирк. Вы устроили страшный аттракцион обмана и массовой паранойи. В технических терминах ты – индуктор психозов!

ГОЛОС СПРАВА. Про кровь младенцев забыл...

ГОЛОС СЛЕВА. И про нее – тоже. Именно такие, как ты, твои близнецы однойцовые, запустили маховик этой войны, на которой гибнут, в том числе и дети. Теми же технологиями, что ты самозабвенно рожаешь, превратили половину страны в нацистов-живодеров. Как говорил: «За три

месяца переформатировали город»? Так?!

ГОЛОС СПРАВА. За четыре...

ГОЛОС СЛЕВА. Вот. А твои коллеги за пару лет перезагрузили мозги всему государству и превратили мирных граждан в кровавых душегубов.

ГОЛОС СПРАВА. Все рассказал?

ГОЛОС СЛЕВА. Почти... можешь начинать оправдываться.

ГОЛОС СПРАВА. В чем?! Ты пытаешься обвинить молоток в своих отбитых пальцах. Мы – инструмент. По другую сторону фронта такие же медийные снайпера и подрывники. Вопрос здесь в вас, наших дорогих соотечественниках, отдавших четверть века уничтожению своей страны и своего дома.

ГОЛОС СЛЕВА. Лично я ничего не уничтожал, а свой дом защищаю с оружием в руках.

ГОЛОС СПРАВА. Да?! Давай посчитаем, сколько металлолома ты вывез, куда вы там его гнали. Но главное здесь не «сколько», а «что». Представь себе на секундочку список шахт, заводов, пароходов, которые вы срезали под фундамент, «попилили в размер» и, разбавив мусором, отправили в порт? Давай, вспоминай!

ГОЛОС СЛЕВА. Резали старое, отслужившее, недееспособное. Отправляли не только в порт, но и на отечественные заводы. Там лом переплавляли в арматуру и строили новые города-заводы-шахты.

ГОЛОС СПРАВА. Напомни мне, за пьянством лет, сколько у нас за четверть века понастроили шахт-заводов-городов?.. Молчишь, потому что знаешь – ничего не построили. Турки, наши исторические и убежденные враги, этой арматурой – из бывшего нашего военно-промышленного комплекса – радостно строили Эмираты и Саудитов да Китай с Индией. А здесь, на нашей земле, вы прошлись, как саранча, и от бывшей советской промышленности оставили лишь несколько швейных фабрик,

обшивающих по давальческим схемам ленивый Евросоюз. Все остальное вырезано под корень, как, например, на твоём любимом «Проммаше», где из металла скоро начнут строгие ошейники для сторожевых овчарок производить, колючую проволоку и наручники для садо-мазо. Хотя наручники – навряд ли, это уже высокие технологии. Там, кстати, в дважды краснознаменном механосборочном давно хотят торгово-развлекательный комплекс открыть в рамках туристско-рекреационного проекта: с боулингами и ночными клубами, а главное – с гигантским танцполом, где можно будет малолеткам наркоту двигать промышленными партиями.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну...

ГОЛОС СПРАВА. Та не нукай. Если брать конкретно нас, то мы – веселые дуралеи, на полянке мухоморы и другие заветные грибочки собирали, чтоб всем весело и небожно в страну радужных «аленей» отчалить. А вот вы, железные дровосеки, с сумрачными молитвами и закопченными рожами, тем временем наш наивный, розовый лес угрюмо пилили под корешок.

ГОЛОС СЛЕВА. Съезд засчитан, стрелки переведены – молодец, умный мальчик.

ГОЛОС СПРАВА. Нет уж, теперь ты без обид – сюда слушай! Я ведь не про тебя конкретно. И ты, со своими дровосеками, и мы, со своими шапито, и даже те циркачи непохмеленные, всем миром мы – граждане, словно долгоносики, точили ствол своей страны. Всем было плевать на общее, каждый жаждал лишь свое – частное. Кому флакона «тройного» хватало, кто тачку жаждал, и чтоб руль кожей игуаны обтянут, а кому третий рынок подавай, потому что у Вована «Центральный» все равно шире и длиннее, чем его оба два. Вот так, как крысы в колесе, на ходу покусывая друг друга, и добежали – кто до пули под БТРОм, кто до пустого

ведра на голове и раздачи шлангами по голому телу, а кто до «чистой». По заслугам – награда. Каждому отсыплется полные жмени... главное, не обгадиться перед тем, как последний раз всхлипнешь...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Те же.

ГОЛОС СЛЕВА. Мы, когда за ЦОФ у Горняка бились, тоже как-то с выборами столкнулись. Выбирать пришлось, что делать с одним бараном, решившим в одиночку держать оборону – в собачьей будке путевого обходчика за ЦОФом. Ну, он тоже свой выбор сделал. Правда, мы так и не поняли, во имя чего.

ГОЛОС СПРАВА. Расскажи...

ГОЛОС СЛЕВА. Да там история короткая совсем. Горняк случился на вторую неделю, как крышку Старозаводьевского котла захлопнули. Вызывает Лось к полуночи. Мы приехали, а он уже к Бате ускакал. Нам ждать велел. Слышим, у Чалого движняк, – у бункера связистов. Гитара, все дела. Подходим, так и есть – казачки наши дуркуют. Чалый по открытой линии нациков чмырит, а Кизима за хамсу струны рвет.

ГОЛОС СПРАВА. За хамсу?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну... это...

*Ты меня, паскуда, взбаловала,
Все кормила хлебом и хамсой.
Маргарину ты мне не давала,
Оттого я стал такой худой...*

ГОЛОС СПРАВА. Из эзков, что ли?

ГОЛОС СЛЕВА. Из шахтеров. Бывший маркшейдер с «Два-бис». Это они с Чалым дурочку лепят, мол, у нас тут бухают. Ну, пока чайку попили, возвращается Манжула. Грит, перед рассветом нацгады пойдут на прорыв. Мехбат сейчас пере-

группировывается, чтобы встретить, а мы, «самсоновцы», сидим в засаде. Как наши танкисты нациков охолодят, так мы на плечах бегунцов заходим в поселок ЦОФа. Рота Люся идет правым флангом, отрезая обогатилровку от частного сектора.

ГОЛОС СПРАВА. Говорят, там просто бойня была...

ГОЛОС СЛЕВА. А кто им виноват?! Гвардия погрузилась на свои скотовозы, разбавила колонну броней и, выставив впереди танки, поперла перед рассветом, как на параде. Мехбат от удовольствия радостно крикнул со всех стволов, и от колонны только танковые катки в разные стороны полетели. Колонна врассыпную. Ну, пошло рубилово: пока они зигзагами по пашне, наши их, как в тире, на выбор лупили. Нацки тогда машины побросали и дали деру пешкодраном – полями-то, огородами.

Мы шли, как каппелевцы, чуть ли не строем. Без единого выстрела прошли ЦОФ, подходим к поселку, и тут с разъезда – шарах! И следом мать-перемать, мол, не подходите. Один засел, оборону держит круговую в железнодорожной конуре. Ну, мы ему так, мол, и так, выходи-сдавайся, завтра к мамке отправим. И, правда, ведь обменяли бы – их же всех после Старозаводья назад отдали. Но нет – оно уперлось там рогом, орет про «клятых сепаров», рыдает, костерит последними словами, герой-камикадзе, короч. Ну, мы разок врезали с пятка стволов для вразумления мозгов – по окнам. На крышу и в стену пару ВОГов положили, чтоб адреналин, значит, в штанишки хлынул. Слышим, затих. Подошли поближе, увещеваем. Чалый – добрый, метров на тридцать подтянулся, напротив двери встал, басит что-то про «сынوك, одумайся». И тут с будки – хрясь!!! Короткая очередь. Мы все на колени, кто залег. Смотрим, а Чалый наш на бок валится, только руки по автомату оскальзывают. И уже понятно, что

ранен он смертельно, что все – отойдет прямо сейчас. Знаешь, так бывает, прилетит кому, и, словно воздушный шарик, практически незаметно, но сдулся человек сразу. Ну, все врезали по будочке с подствольников, и пару гранат туда следом. Ухайдокали, короч, на раз, шо и вякнуть не успел. Чалый, понятно, тоже – все. Но к нему вопросов никаких. Казак за дом свой, за веру да за детей-внуков смерть принял достойную. Вот тебе и выбор. А вот этот выпердыш – гвардеец сраный – за что сам скопытился и внуков Чалого без деда оставил? За упырей своих столичных? За вопли «Слава нации! Смерть врагам!», что они, слюной давясь и зенки вылупив, орут друг другу в хари? За что мамка его за пятьсот километров теперь с ума сойдет и даже могилку не обнимет? Ради кого тот выбор он сделал?

ГОЛОС СПРАВА. Та понятно, чего там. Могилку, кстати, обнимет. Выходит, Яков, что есть у нас с тобой общий знакомец.

ГОЛОС СЛЕВА. Ты о чем?

ГОЛОС СПРАВА. Так это мы того двухсотого с будочки ЦОФовского разъезда снимали, паковали и на обмен везли. Капрал 132 мотоманевренной бригады, фамилию не помню. Лет двадцать всего пацану – по накладной помню.

ГОЛОС СЛЕВА. Понятно...

ГОЛОС СПРАВА. Работы тогда много выдалось, хорошо морозы стояли, а то под конец уже пованивать начали, особо те, что порубанные, как этот.

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, так Манжула ж небось тогда «эфку» в окошко ему запустил.

ГОЛОС СПРАВА. Не рассматривал, паковали наши эксгуматорщики и представители «миротворческого корпуса» с той стороны. Иришку с бывшего оутдора там встретил, работали вместе.

Еще на службе, лет пять назад, роман у нас едва не случился. У нее

сейчас муж на той стороне, дите или двое, не спрашивал.

ГОЛОС СЛЕВА. Так спросил бы, они ведь могли быть твоими детьми.

ГОЛОС СПРАВА. Могли бы, но салат «огонек» помешал.

ГОЛОС СЛЕВА..?

ГОЛОС СПРАВА. Стыдно рассказывать.

ГОЛОС СЛЕВА. Поздно, колись...

ГОЛОС СПРАВА. Новогодний корпоратив в одной из структур Зализняка – рекламном агентстве Стасяна. Сам Стас – мужик ничего, но системный пьяница формата «мистер-250».

ГОЛОС СЛЕВА. Это как?

ГОЛОС СПРАВА. Двести пятьдесят – норма. Как стакан вискаря накопится в организме, то бесчувственное тело валится, куда придется, и лежит одинокой заветренной тушкой, как Ильич в Мавзолее.

ГОЛОС СЛЕВА. Есть такая порода счастливыхцев...

ГОЛОС СПРАВА. И не говори! Начали чопорно, как положено – поздравительный адрес от Вени, прочувствованные слова местных подхалимов, и все такое. Где-то через час-полтора вострубила третья белочка: Стасян стал напоминать очнувшегося от жизни идиота, и лысина, от самого калкана до бровей, налилась пурпуром. Генерального снесли в кабинет, и пошел тут настоящий праздник. А за пару месяцев до того в отдел наружки пришла новенькая. Ну, знаешь, такая стройненькая лисичка-сестричка с персиковыми ушками. Простая, компанейская и ни разу не тургеневская барышня. А у меня как раз с Аленой не ладилось – она хотела узаконить отношения, на пятом-то году совместной жизни – свадьба, фата, все такое. Мне же казалось, что если она мне девушкой так мозг выносит, то что будет, когда паспорта проштампуют. Одним словом, разбежались мы тогда во второй или в третий раз. Формально – сво-

боден. Иришка мне улыбалась коренными зубами, я ей тоже знаки какие оказывал, а тут корпоратив. Сели рядом, я джентельмену изо всех сил – шампусики там, салаттики, и сам коней не гоню. Дальше танцы, кто-то воеет, как собака в караоке. Перекуры, туда-сюда, подхожу к туалету. Занято. А уже так нормальный зов природы – не откажешь. Жду. Открывается дверь и вылетает моя Иришка. Сконфузилась и юркнула мимо. А в туалете, возле унитаза и в самом... остатки непринятого организмом салата. И тут я вспоминаю, как подкладывал ей на старте банкета морковный салатик. Причем раз несколько передавал. Где-то на периферии сознания я понимаю, что у девочек тоже по-разному бывает... но такая грубая реальность... Не заладились у нас тогда отношения.

ГОЛОС СЛЕВА. Бывает. Ну, а в этот раз как пообщались?

ГОЛОС СПРАВА. Никак. О чем мне с ней общаться? Она волонтер на стороне противника. Их армия расстреливает наши города. Она – враг. Топор ей в спину, вместе с мужем, детьми и розовыми ушками!

ГОЛОС СЛЕВА. С Аленой разбежались?

ГОЛОС СПРАВА. Да нет, сходились-расходились. Перед войной вроде окончательно расстались, даже наговорили друг дружке всяко разного. А когда начались обстрелы, позвонила, рыдая: «Приедь, я с ума тут схожу!» Она ведь на Герсталя, это у них тогда летом по автобусной остановке «Град» ударил – как раз у нее под окнами народ на куски разрывало. Связь, слава Богу, еще была – весь день звонил, до «Героев Сталинграда» только вечером добрался. На нее даже смотреть было больно. Я сбегал, она что-то приготовила, посидели, то да се. Она: «Останься, прошу...» Мне ее так жалко стало. Через пару месяцев, как во дворах многоэтажек на кострах стали еду готовить и воду

через весь Город на велосипедах возить, ее вещи к себе домой перевез. Представляю, как ей сейчас, изрыдалась вся, наверное.

ГОЛОС СЛЕВА. Дети есть?

ГОЛОС СПРАВА. Нет. Вначале она аборт сделала. Потом еще один. А когда решила, то сразу не получилось, надо было курс лечения пройти, а тут война. Без детей пока.

ГОЛОС СЛЕВА. Прости, обидеть не хочу, но то не у нее – два аборта. То у вас – два мертвых ребенка...

ГОЛОС СПРАВА. Наверное, ты прав. Да, прав. Мы думали об этом. Она потом хотела, а я... А я – дурак.

ГОЛОС СЛЕВА. Зато ждет тебя, молится, поди.

ГОЛОС СПРАВА. А у тебя – семья?

ГОЛОС СЛЕВА. У меня? Да бросил я свою Тоньку. И Зайка не удержала....

ГОЛОС СПРАВА. Нашел кого-то?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, не главное. Как бы это объяснить.... Твои полигологи сказали бы – разошлись у нас с Антониной культурные коды.

ГОЛОС СПРАВА. Это как?

ГОЛОС СЛЕВА. Да как. Мы-то с Фабричного оба. Оно хоть и в Городе уже полвека, а все одно поселок. Я с микрорайона, она – с Мертвоносовки...

ГОЛОС СПРАВА. Чего?!

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, с «Генерала Ватутина» – улица, что на кладбище ведет.

ГОЛОС СПРАВА. А...

ГОЛОС СЛЕВА. Познакомились в промшавевском училище. Начали встречаться. Потом женились. Закончил я на «отлично», завод дал направление в машинститут. Уговорились, что я заканчиваю вышку, а она работает. Потом она пойдет учиться, когда я закончу или приработок найду. Ну, пошла работа-учеба, потом Зойка родилась. Ясли-садики. Каждый раз ревели страшно, когда переводили из группы в группу. Вообще, пока малая,

такая резкая была. Помню, баба Христя ей под шубку в рукава резинки сделала, чтоб варежки не теряла. Ну, папка как-то раз забирал из садика и недосмотрел, что она одну лишь варежку просунула. Вышли на улицу, и тут Зайка увидела, что за ней что-то волочится. Не поняв, испугалась и как дала деру с таким визгом, что меня самого испугала. Летит-визжит, а за ней варежка на резинке гонится, как собачонка, только что за пятки не прикусывает. Так и жили – я учился, она работала. У меня своя тусовка, свои большие проблемы. У нее коллектив, маленький дом и семья. Тогда уж стали появляться непонятки меж нами. Как-то на новогоднем утреннике в садике вышел неприятный случай. Там был мальчик по прозвищу Ваня-Казюля из неблагополучной семьи. Ну, все родители сдали деньги на новогодний подарок, а его – нет. Вышел Дед Мороз со Снегуркой, все дела, стали раздавать коробки конфетные. Раз, и Зойке не хватило. Воспиталка быстро сориентировалась, забрала у Вани и отдала доце. Ну, пришли мои девки домой рассказывают. Я говорю Тоньке: «Сдурела?! Вот нафига?! Ну, отдали бы мальцу, что – бедно живем?! Я бы Зайке в два раза больше купил». Да и понял бы ребенок, даже тогда. А она вдруг уперлась: «Это чего ради я чужим голодранцам от собственного дитя отрывать должна?!» Разругались в пыль, но она так и не врубилась, из-за чего такая склока вышла.

ГОЛОС СПРАВА. А родители что?

ГОЛОС СЛЕВА. А что родители? Батя у нее умер. Царствие небесное, хороший был мужик дядь Миша. Помню, как ни придет, перед порогом прокашляется, заходит и как ни в чем не бывало: «Ну, как вы тут, ежики?!» Долго умирал от своего силикоза ГРОЗовского, но все равно шутил. Как-то пришла медсестра клизму делать, подвесила эту грелку над кро-

ватью, воткнула клистир, ну и ждет, пока стечет. А он загодя набрал воды полон рот из кружки и лежит – струйкой изо рта пускает. Бедную женщину чуть Кондратий не хватил, как увидела тот прямоток. Баб Христя тяжело переживала его уход. И когда мы разводились, только головой качала. А была юморная. Раз привела Зойку из садика и спрашивает строго: «Воспитательница говорит, что ты целовалась с Толиком. Это правда?» Малая обреченно кивает головой. Христя зловещим голосом: «Все! Теперь у тебя будут глисты!»

ГОЛОС СПРАВА. А твои?

ГОЛОС СЛЕВА. Да моим что?!

Сын – отрезанный ломоть, своей жизнью живет. Внучку любят безумно. И, похоже, наш развод особо и не обсуждают. Общаются меж собой, в гости друг к дружке ходят. Зойка, небось, и сейчас уроки учит у одной из бабушек.

ГОЛОС СПРАВА. Любишь дочь...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, так зайченок, как иначе... Все детство дурили малую. Года четыре было, решили санки подарить и спросили – хочешь ли? Ребёнок завелся. Ну, накидали договорных условий про слушаться и хорошо себя вести. Хотя никто ничего не исполнял, понятное дело, в новогоднюю ночь поставили подарок под елку. Утром слышим топот босых ног до туалета. Бах – встали ноги. Через мгновение назад, в два раза быстрее. Прыг к нам в постель и перепуганным шёпотом, Тоньку тормоша: «Мама! Санки!!!» На следующий год весной иду – вижу, передвижной зверинец в сквере «Проммаша». Прихожу домой. Тонька: «Пооди, погуляй с малой». Идем по дороге, я ей сказки рассказываю, мол: куда пойдём, чего бы ты хотела, а хочешь зверинец? Кто ж не хочет?! Ну, говорю, лады, сейчас наволшеблю тебе... Заходим за угол – бах, ребенок остолбенел. Смотрит на зверинец, на папу – глазам не верит.

Вот так, наворожил зоопарк стыдному ребенку – до сих пор стыдно.

ГОЛОС СПРАВА. А разошлись как?

ГОЛОС СЛЕВА. Как обычно. «Проммаш» уже на ладан дышал, мы со своего ЗПК раз за разом отгружали пресс-формы и другое железо на лом. Я следом сам ушел к металлистам. Она в один из цехов при кладбище, – там вся Ватутина либо памятники делала, либо венки плела. Так и жили – Зойка то у одной бабушки, то у другой. Тонька утром бетон и крошку мраморную мешает, днем на полировальной машинке стоит, а вечером, когда уже сил нет меня ждать и любить, сериалы смотрит. А у меня служебный фольксваген, Любаша из бухгалтерии и вообще совсем другая жизнь...

ГОЛОС СПРАВА. Со скандалом ушел?

ГОЛОС СЛЕВА. Нет, практически. Последней каплей была история с Джафаром. Ну, это я его так назвал. Сосед наш Макарыч... сейчас, пооди, за Лося ротой командует... так вот он на своей «шестёрке» как-то сбил собаку. Огромный волкодав, метис овчарки с носорогом. Сбил, значит, и привез ко мне. Выручай, дескать, Макариха вместе с собакой из дому сраной метлой погонит. Рассказывал, мол, пусть пару дней перележит, а там пристроим. Ну, говорю, заноси. Приходит Тонька. Видит, лежит песик – ровно на половину прихожей хватило. А тот уже отогрелся, очухался, переломанную лапу вдоль тела вытянул и тихонько урчит на входящих. Не рычит, но понятно, что лучше ей к нему не подходить. А у нас и так отношения были уже никуда. Ну, вечер она перетерпела. Утром встает, а там лужа от двери до двери и гора – я такую из себя не выдавлю. Короч, чтобы не утомлять: приехал Макарыч и забрал нас с Джафаром к своей матушке. Так началась моя новая жизнь. А старая... а старая полумалась, как сигарета в трясущихся

руках. Через полтора года началась война. Я – здесь, Тонька в ополчении кашеварит, Зайка по очереди у бабушек в Фабричном.

ГОЛОС СПРАВА. Понятно... Видитесь?

ГОЛОС СЛЕВА. С малой – да, а с Тоней... ну, о чем нам с ней? Все ж переговорено...

ГОЛОС СПРАВА. Она живет с кем-нибудь?

ГОЛОС СЛЕВА. Не знаю, не интересовался. Мы стали чужими, когда еще в одной постели спали.

ГОЛОС СПРАВА. Везучий ты, на самом деле. Дочь любит тебя, будет помнить...

ГОЛОС СЛЕВА. Как папка ее бросил? Мамка, как подрастет, подробностей расскажет про остальное.

ГОЛОС СПРАВА. А может, и нет. Возможно, гордиться будет, ведь сама же воюет.

ГОЛОС СЛЕВА. Чувак! Ты не представляешь той обиды... Это тебе не «паркер» недостаточно золотой... Это, конечно, дар превратить любимую в мегеру, но кому я нужен такой одаренный?

ГОЛОС СПРАВА. Значит, отгорело у тебя к ней.

ГОЛОС СЛЕВА. Отож...

ГОЛОС СПРАВА. На фронт бабы пошли... У меня Алена пыталась в Минвосстановлении работать, но не потянула.

ГОЛОС СЛЕВА. Что так?

ГОЛОС СПРАВА. Нервы не выдерживали, срывалась. Раз ума хватило тайком от меня через линию фронта партию наркоты провести, ну и нарвались. Там чуток и я, конечно, накосячил: пришел как-то и рассказал ей за бойца Ильина из артбригады. Да спросил, не подумавши, кого из наших старых знакомых можно нагнуть на той стороне – лекарств добыть. Жалко его было как никого. Попал этот пацан под фосфорную мину – обгорел от берцев до пояса, только что хвостик спереди чудом не пострадал, хотя пропало

ноги местами до костей и сухожилий. Пачка операций, пересадками кожи все руки, спину и живот с него сняли прямоугольниками. Однако вытянули наши врачи. При этом половину медикаментов «НЗ» на него израсходовали, а лечения там еще на пару месяцев, минимум. И нужны обезболивающие. Край нужны, их вообще катастрофически не хватает, и это, как ты понимаешь, не аспиринчик. Они экономят, тянут как могут, колют ему в два раза реже, чем стоило бы, а он на стены лезет. Говорит, что если бы вставал, то уже из окна выбросился. Моя это дело услышала, втихаря на ус намотала, сама выяснила в клинике все назначения. Быстро списалась с кем-то по интернету на той стороне, и бывшие коллеги-бизнесюки ей все это дело прикупили. Но главное осталось – как доставить?! Я бы не пустил, понятное дело. Поэтому она, типа, «поехала к маме»: пристегнулась к евангелической миссии, сделала лицо попроще и рванула вместе с ними на Дивнозерский пропускной.

ГОЛОС СЛЕВА. Огонь девка!

ГОЛОС СПРАВА. Ага. Туда прошли без затей. Обрато в три, потому что в пять переход закрывается. А ей до места встречи сто километров в один конец. Она успевает, привозит короб лекарств, распахивает ампулы в сумку, по карманам, чуть ли не в трусы. Дом молитвы, машина волонтеров, сумки с вещами для беженцев – и вперед на родину. На одном из блокпостов в двадцати километрах от перехода их тормозят пьяные гвардейцы: «Лежать-бояться! Кто-чего-куда-какие?! Все вон! Руки на машину! Документы! Вещи к осмотру!» А у нее около ста ампул. И мы ведь знаем, что с трех ударов прикладом по пальцам она расскажет: что это, кому именно и зачем. Она тоже не хуже нас с тобой все понимает. Однако евангелисты не в первый раз тут ездили. Во-первых, никто никуда не вышел. Во-вторых, они велели!.. велели, Яков!.. пригласи

сидеть к машине старшего. И, в-третьих, сами начали петь гимны или псалмы, что у них там положено в таких случаях петь. Надики чуть выдохнули от такой резкости. Приходит старший. Как Алёна рассказывала, такой себе жирдяй в камуфляже. Очередной неадекватка с повернутыми во внутрь глазами. Говорит, ощущала, как внутри него клокотала дикая ненависть, и ему без разницы, на кого ее выплеснуть. Навел резкость: «Что да как?» Объяснили, показали документы. Ведь это же протестантская миссия с какими-то международными гарантиями и соответствующими бумагами, как раз для таких вот бабуинов, прикрутивших себе точку на дороге. Тот с пьяных глаз еще попытался быковать, что-то пырхнул напоследок, но пастор с вежливой улыбкой патологоанатома тихо спросил: «Горя ищешь?» Надик потупил для приличия, вернул документы и отсалютовал им напоследок: «Слава нации!» В бусике молчание. Тот набычился и снова, уже с наездом: «Слава нации!» Молчание. Он начинает звереть. Вновь подошел к машине, положил ствол в оконный проем и цедит: «Отвечать надо – слава героям! Понятно?!» Отошел от машины, гаркает: «Слава нации!» И тут миссия, прекрасно поставленными голосами, слаженным хором в ответ: «Слава Богу!» Тот моргнул полтора раза, посмотрел на подельников на блокпосту и, махнув рукой, обреченно вымолвил: «Ну, ладно, тогда... Счастливо!» Алёна по возвращении всосала залпом полбутылки конины. Потом всю ночь колотилась в холодном поту под двумя зимними одеялами.

ГОЛОС СЛЕВА. Спасли парня?

ГОЛОС СПРАВА. Да, но ходит с двумя костылями. И не факт, что когда-нибудь пойдет без них.

ГОЛОС СЛЕВА. А девка-то твоя – огонь...

ГОЛОС СПРАВА. Да кто спорит.

ГОЛОС СЛЕВА. Она у тебя боговерующая, что ли?

ГОЛОС СПРАВА. Кто? Алёна?! Да как обычно, пару раз в год, на праздники бегает в церковь возле дома.

ГОЛОС СЛЕВА. Ты и столько не ходишь?

ГОЛОС СПРАВА. Да я по работе, обычно. Одним словом, верую, конечно, но сам.

ГОЛОС СЛЕВА. Да... понятно. И я такой. Тоже вот – не верил. Баба Христа, та Зойку с детства учила. Говорит ей: «Если что – ты, внученька, у Бога проси». Заечка ей: «Не знаю, что просить у Бога...» Та в ответ: «Попроси, внученька, чтобы молитва всегда сполнялась» – «Ты че, Ба?! Какая молитва?!» – «Ну, «Отче наш», например...»

ГОЛОС СПРАВА. А чтобы ты сейчас просил?

ГОЛОС СЛЕВА. Ну, дать возможность подмыться, трусы свежие, чтобы, если что, в морге не краснеть перед санитарями.

ГОЛОС СПРАВА. Я серьезно!

ГОЛОС СПРАВА. Я тоже. В наших условиях умереть, не обосравшись, уже достижение.

ГОЛОС СЛЕВА. Это понятно, а по жизни?

ГОЛОС СЛЕВА. По жизни... Знаешь, наверное, чтобы Тонька поняла и простила. Не за баб моих, не за то, что бросил. Поняла «почему?» Поняла, как я Зойку люблю. Чтобы зла не держала и душу себе не рвала. Хорошая она баба. Мать преданная, и жена была верная. Это я предал – не вытянул я ее вслед за собой... А не вытянув, поменял на свою новую жизнь, где ей уже не было места. И бросил...

ГОЛОС СПРАВА. А я бы за Игорька попросил...

ГОЛОС СЛЕВА. Это кто?

ГОЛОС СПРАВА. Мальчик из первого детдома...

ГОЛОС СЛЕВА. Если не хочешь – не рассказывай.

ГОЛОС СПРАВА. Да там нечего рассказывать толком. Оно где-то под небом, сидело и вот только сей-

час до сердца упало... Работали от Министрства новогодние утренники по детдомам. Считай, меньше месяца назад. Подрядился в Дед Морозы. Алену взял Снегуркой. Начали работать утренник – детвора визжит от восторга. Они все лето и осень в подвале просидели, еще не отошли толком, от хлопка дверью падают на пол и, как учили, ручками головы закрывают. Отработали здорово, вдохновенно выступили, раздаем подарки от Минвосстановления. Малышня лезет на руки и обниматься. Одна девочка говорит Алёне, что та очень красивая. Моя как-то сдерживается, начинает задирать голову и ловить потекшую тушь. И тут меня как током...

ГОЛОС СЛЕВА. Ну?! Говори...

ГОЛОС СПРАВА. Мальчик. Маленький совсем, лет пять. Обнимает за ногу и вдруг обреченно, не надеясь, говорит: «Забери меня»...

ГОЛОС СЛЕВА. И дальше?..

ГОЛОС СПРАВА. И все, мы уходим. Говорим с Алёной, пьем на кухне коньяк. Опять говорим, опять пьем и... ничего не делаем. Потому что сложно. Потому что война. Потому что не знаем, что будет завтра. Потому что сегодня я уже в «чистой», а она там, рыдает на моем диване, а ребенок в детдоме и ждет Дедушку Мороза, суку конченную. И звать его Игорек. И он – самый добрый и ласковый мальчик в группе – каждый день спрашивает у нянечек, найдут ли ему маму и папу. А я лично знаю всех зампредов и всех министров. А я мог в любой день подойти, объяснить и забрать пацана, минуя любые процедуры и любую волокиту. И был бы у Игорька дом, и была бы у него Мама. И хрен бы тогда с тем несостоявшимся отцом, которого не сегодня завтра грохнут, как собаку. Но я этого не сделал по тысяче убедительных «но». И уже не сделаю. И вот я здесь. Алена без пяти

минут вдова, а Игорек спрашивает, где его родители. Возможно, Судьба три раза пыталась подарить мне сына. Двоих мы убили в абортарии, а от третьей попытки отвернулись в детдоме.

ГОЛОС СЛЕВА. Чувак, я тебе не судья...

ГОЛОС СПРАВА. Мне судьи не нужны, мне бы самому себя простить...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Там же. Те же.

В полной темноте слышен приглушенный разговор. Голоса прерывает лязг открываемой металлической двери, и в темноту врывается чехарда вспышек ручных фонарей. Видны тени. Сквозь решетку камеры бьют всполохи автоматных очередей, раздаётся грохот. Тени исчезают. Слышен затихающий хрип. Кромешная тьма.

ГОЛОС СВЕРХУ. Папа! Папочка! Слышишь?!.. Пойдем домой...

ГОЛОС СПРАВА. Что?!

ГОЛОС СВЕРХУ. Это я, Папочка... Игорек...

ГОЛОС СПРАВА. Боже! Что ты тут делаешь?!

ГОЛОС СВЕРХУ. Детдом разбомбили, я за тобой. Пойдем, Папочка...

ГОЛОС СПРАВА. А Мама?

ГОЛОС СВЕРХУ. Мамочка потом придет, не волнуйся. Идем, нам пора...

ГОЛОС СЛЕВА. Эй, ребята... а я?!

ГОЛОС СВЕРХУ. Дядя Яша, ты же живой! Подожди. Совсем чуточку осталось...

ЗАНАВЕС.

Декабрь 2015 – январь 2016. Светлый День Рождества Христова. Луганск, ЛНР.